МАУК “Чишминская районная межпоселенческая библиотека”

Шағир. Фронтовик. Шәхес.

Поэт. Фронтовик. Человек.

...Ә бит көҙҙөң
бөтә алтындары
Күңелемдә
ялтырап яттылар.
Ҡоштар булып
осто хыялдарым,
Ҡоштар булып
урап ҡайттылар...

/Муса Ғәли/

МУСА ГАЛИ-
поэт родного края

Справочное пособие

к 100-летию со дня рождения

2023

Эй, ғәзиз ер!

«Тыуған ерем…муйыл сәскә ҡоя…
Күрҙем быны күпме яҙҙарҙа!
Муйыл сәскәләре яуған ерем,
Китмәнем мин һинән ҡайҙарға?!

Иҫкә килгән һайын үткән көндәр,
Талды күңелем, уйға солғанып.
Ҡалай үттем шул саҡлы уҡ юлды,
Ҡойондарҙа нисек сыҙаным?!

Үҫтем, ерем, һиндә ниндәй ябай:
Мин һуҙманым ҙурға өмөттө,
Тупрағыңа баҫһам, бәхет, тинем,
Һыуҙарыңды эсһәм, шул етте.

Ошо ине һиңә минең һөйөү,
Яуҙарҙа ул янды үс булып,
Ныҡлыҡ бирҙе баҫҡан тупраҡтарым,
Эскән һыуым һеңде көс булып.

Ошо ине һиңә минең һөйөү…
Инде тыңла рәхмәт һүҙемде:
Һиндә тәпәй баҫып нығынмаһам,
Мин юлдарға сығыр инемме,
Ҡойондарҙа сыҙар инемме?
Эй, ғәзиз ер!..»

/М. Ғәли, 1956/

Гареева, Р.Ф. *“Муса Гали – поэт родного края”: Справочное пособие на башк. и русском языках: [к 100-летию со дня рождения башкирского поэта Мусы Гали]/Р.Ф. Гареева, библиограф ИБО, МАУК “Чишминская районная межпоселенческая библиотека, 2023.- 70 с., илл.*

Муса Ғәли ⅄ Муса Гали

(1923 – 2004)

“Йырсы кош оя ҡорған һымаҡ, һүҙҙәрҙән, моңдарҙан, һынлы биҙәктәрҙән, фекерҙән һәм хистәрҙән ентекләп ҡорҙо ул үҙенең ижад һарайын…”

/Мостай Кәрим/

«…Мин үҙемә ҡайтып барам.
Татлы һүҙҙән, буш маҡтауҙан,

Буш дуҫлыҡтан ҡасып барам.
Бар ялғанға нәфрәт атып,
Мин үҙемә ҡайтып барам…»

/Муса Ғәли/

«…Пока пылают губы цветом ягод
И увлажняются долины рек,
Поэзия – ты свежесть, мощь, отвага,
И жить тебе в сердцах за веком век:

Признанием в любви из сердца рваться,
Восторгом, грустью проникать в сердца.
Мелодиям – рождаться, продолжаться!..
Поэзии не может быть конца».

/«Поэзия» М. Гали/

«Тышҡа ҡалҡып торған тойғоларҙан түгел, ә йөрәктең ысын тәрәнлегенән килеүсе тойғоларҙан башлана Муса Ғәли шиғриәтенең шишмә башы. Уның талантының үҙенсәлегендә милли башланғыс – башҡорт поэзияһна хас булған көнел киңлеге менән ихтыяр ныҡлығының берҙәмлеге, ирек һөйөүсәнлек һәм тормош матурлығына һоҡлана белеү һәләтлеге, үҙ халҡың менән ғорурланыу һәм башҡаларҙы ҡурсаламаҡҡа йөрәкте асып һалырға әҙер булыу... үтәнән-үтә ярылып ята.”

/Александр Макаров/

“Муса Гали – поэт от земли, поэт от народа. Лаконичная его строка, прошедшая через огненный костер души, проста, но отнюдь не простовата. Она всегда естественна, как светлая изморозь на оконном стекле.”

/Александр Филиппов/

ПОЭЗИЯ

/М. Гали. Перевод Е. Николаевской/

Кто это вновь, склонясь над электроном,
В двадцатом веке с выводом спешит?
Кто это с убежденьем непреклонным
Суд скорый над поэзией вершит?
Когда стрелою мчится сквозь туманность
В космические дали сын Земли,
Кому взбредет на ум такая странность,
Что времена поэзии прошли?
Прошли — и не найти нам утешенья...
Скажите, кто неверием объят?
Его обгонит век в своем движенье,
Затягивая песни на свой лад...
В любви, в печали сердце будет биться
И будет ждать, что воплотясь в слова
И в музыку, весной вернутся птицы
И зазвенит зеленая трава.

И, движимы мелодией извечной,
Прижмутся облака к груди горы,
И звезды потекут рекою млечной,
И лунный луч прольет свои дары...
Пока снежинки — крошечные солнца —
На землю охладевшую летят,
Пока весенний ветер вдаль несется,
Пока звенит ночами звездопад,
Пока сверкают свадебные платья
Берез, пока с цветов летит пыльца
Над озером, притихшем на закате,—
Поэзии не может быть конца!
Пока пылают губы цветом ягод
И увлажняются долины рек,
Поэзия — ты свежесть, мощь, отвага,
И жить тебе в сердцах за веком век:
Признанием любви из сердца рваться,
Восторгом, грустью проникать в сердца.
Мелодиям — рождаться, продолжаться!..
Поэзии не может быть конца.

Муса Ғәли (Ғабдрахман Ғәли улы Ғәлиев) — *башҡорт яҙыусыһы*

Биографияһы

1923 йылдың 15 октябрендә Башҡорт АССР-ы Өфө кантоны Иҫке Муса ауылында ярлы крәҫтиән ғаиләһендә тыуа. Атаһынан бик йәшләй етем ҡала. Олатаһы йортонда тәрбиәләнеп үҫә. Ете йыллыҡ мәктәптән һуң, бер йыл Өфөлә, медицина училищеһында уҡый.

1939-1942 йылдарҙа Дәүләкән Башҡорт педагогия училищеһында уҡый.

1942 йылдың мартында Ҡыҙыл Армия сафына саҡырыла. 1943 йылдың көҙөнән фашистарға ҡаршы һуғышта, Днепрҙы кисеүҙә, Украинаны һәм Белоруссияны азат итеүҙә ҡатнаша. Ҡаты яраланғандан һуң госпиталдә ята, һауыҡҡас, 1946 йылға тиклем хәрби хеҙмәтте дауам итә. Һуғыштарҙа күрһәткән батырлыҡтары өсөн II дәрәжә Ватан һуғышы ордены һәм «Батырлыҡ өсөн» миҙалы менән бүләкләнә. Демобилизацияланғандан һуң Шишмә районының Сыуалкип ете йыллыҡ мәктәбендә бер нисә йыл уҡытыусы һәм завуч булып эшләй.

1948—1952 йылдарҙа Башҡорт дәүләт педагогия институтын тамамлай.

1952—1959 йылдарҙа шағир «Пионер» журналыредакцияһында әҙәбиәт һәм сәнғәт бүлеге мөдире вазифаһын башҡара. Һуңыраҡ ул — Башҡортостан Яҙыусылар союзында әҙәби косультант булып эшләй.

1963—1965 йылдарҙа Мәскәүҙә Юғары әҙәби курстарҙа уҡый.

Йәмәғәт эшмәкәрлеге

Үҙенең күп яҡлы ижадын шағир һәр саҡ йәмәғәт эше менән әүҙем берләштерә. Оҙаҡ йылдар Башҡортостан Яҙыусылар союзы идараһы, «Ағиҙел» һәм «Уральсий следопыт» журналдары мөхәрририәттәре, РСФСР Яҙыусылар союзының художестволы тәржемә буйынса комиссияһы, СССР Яҙыусылар союзының әзербайжан әҙәбиәте буйынса комиссияһы ағзаһы була. Муса Ғәли йәш әҙәбиәтселәрҙе тәрбиәләү буйынса әүҙем эш алып бара. Күп илдәрҙә башҡорт әҙәбиәтен лайыҡлы күрһәтә.

Ижады

Шағирҙың тәүге шиғырҙары 1940 йылда «Йәш төҙөүсе» һәм Дәүләкәндәге «Колхозсы» район гәзитендә баҫылып сыға. Беренсе китабы «Яҡты көн» тип атала һәм 1953 йылда донъя күрә. Үҙенең 40-ҡа яҡын йыйынтығы, шул иҫәптән Мәскәүҙә сыҡҡан 15 китабы менән шағир бөтә Союз уҡыусылары араһында танылыу тапты. Быларға өҫтәп уның үзбәк, украин һәм татар телдәрендә сыҡҡан китаптарын да әйтеп була.

Муса Ғәли тәржемә өлкәһендә әүҙем эшләй. Уның А. С. Пушкиндың «Царское село иҫтәлектәре», В. Шекспирҙың «Макбет», үзбәк яҙыусыһы Әсхәт Мохтарҙың «Ҡарағалпаҡ ҡиссаһы» тигән тәржемәләре китап уҡыусыларға яҡшы таныш.

Шағир бер үк ваҡытта балалар өсөн дә поэма һәм шиғырҙар ижад итте, башҡорт балалар шиғриәтен үҫтереүгә ҙур өлөш индерҙе.

Муса Ғәли күп шаршаулы ике драма әҫәре яҙҙы. Улар Сибай дәүләт башҡорт театрында ҡуйылды. «Тауҙар төш күрә», «Аҙымдар» повестарын ижад итте. Публицист һәм талапсан әҙәби тәнҡитсе булараҡ та матбуғатта әүҙем сығыш яһаны. Ул башҡорт публицистикаһында юлъяҙма жанрын үҫтереүгә һиҙелерлек өлөш индерҙе. Әҙәби-тәнҡит мәҡәләләре, ижади портреттары «Гөлдәр һәм йондоҙҙар» тигән китабына тупланып донъя күрҙе.

Маҡтаулы исемдәре

- ***Муса Ғәли*** — республиканың Салауат Юлаев исемендәге дәүләт премияһы лауреаты
- Рәсәй Федерацияһының атҡаҙанған мәҙәниәт хеҙмәткәре
- Хеҙмәт Ҡыҙыл Байраҡордены
- «Халыҡтар Дуҫлығы» ордены
- 1956 йылдан Яҙыусылар союзы ағзаһы булып торҙо.

Шағир хаҡында

"Иң тәүҙә Муса Ғәлиҙең кешелек сифаттарын күҙ алдына килтерергә тырышам. Баҡһаң, ярайһы уҡ ауыр эш икән был. Инсандың һәр ҡайһыһы йомаҡ. Ә ысын шағир бер-ике һүҙ менән генә баһалар зат түгел инде ул.

Миңә Муса Ғәлиҙең төрлө ваҡыттарын күҙәтергә тура килгәне бар. Бәләкәс кенә ҡыуаныстан да атҡа менгәндәй һөйөнгән, тиреһе ҡалын кеше ҡул һелтәп уҙырҙай үткенсе күңелһеҙлектән донъяһы емерелгән һымаҡ көйөнгән саҡтарын, илһамланып йырлаған, йыр йә Ҡөрьән сүрәләре уҡыған, телмәр тотҡан мәлдәрен... Бер ҡараһаң, ул көләс йөҙлө, йор һүҙле егет ҡиәфәтендә. Ауырыу-сырхауҙары онотолған, иңбашына аҫыл ҡош ҡунған. Икенсе күргәнеңдә, күҙҙәрендә тәрән эске һыҙланыу, бар булмышында үшәнлек, төшөнкөлөк ишараһы. Ләкин күп тә үтмәй, ул баҫымсыҡ тәбиғәтле, олпат уҙаман, ихлас әңгәмәләш. Икеләнмәйенсә әйтә алам:

Муса Ғәли - беҙҙең иң уҡымышлы "

/Әхиәр Хәким/

Шағирҙың төп әҫәрҙәре

- Яҡты көн. Шиғырҙар һәм поэма.-Өфө. - 1953.
- Юл башы. Балалар өсөн шиғырҙар.- Өфө. - 1954.
- Тыуған яҡтарым. Шиғырҙар һәм поэма.-Өфө.- 1957.
- Суҡлы йүгән. Хикәйәләр. - Өфө. - 1959.
- Диңгеҙҙәр аша һөйләшеү. Шиғырҙар һәм поэмалар. - Өфө. - 1960.
- Песня Агидели. Стихи и поэма. - Уфа. - 1961.
- Көнсығыш хаҡында ике йыр. Шиғырҙар һәм поэма. - Өфө. - 1962.
- Торналар киткәндә. Шиғырҙар.- Өфө. - 1963.
- Июнь кистәре. Шиғырҙар һәм поэма. - Өфө. - 1964.
- Солнце и слезы. Стихи и поэма. Москва: «Сов.писатель», 1965.
- Песня Агидели. Поэма. Москва: «Сов. Россия», 1965.
- Росинка. Стихи для детей. Москва: «Малыш», 1966.
- Разговор через моря. Уфа. - 1966.
- Ай йылмая. Балалар өсөн шиғырҙар һәм поэма. Өфө. - 1966.
- Ер йоҡламай. Балалар өсөн шиғырҙар һәм поэма. Өфө. - 1969.
- Песня Агидели. Поэма. Уфа. - 1969.
- Корни дуба. Стихи. Уфа. - 1966.
- Вишневые сережки. Стихи.- Москва: «Малыш», 1970.
- Сердце весны. Стихи и поэма. - Москва: «Сов. Россия», 1971.
- Көмөш йондоҙҙар. Шиғырҙар һәм поэмалар. - Өфө. - 1971.
- Аҡ ямғыр. Балалар өсөн шиғырҙар.- Өфө. 1972.
- Стихи. - Москва: «Молодая гвардия», 1972.
- Кто разбудил меня. Стихи. Москва: «Малыш», 1972.
- Куртак. Шиғырҙар һәм поэмалар (үзбәк телендә). Ташкент. 1973.
- Һайланма әҫәрҙәр. 1-се том. Шиғырҙар.- Өфө. - 1973.
- Һайланма әҫәрҙәр. 2-се том. Поэмалар. - Өфө. - 1973.
- Тростниковая флейта. Стихи и поэма. - Москва: «Сов.писатель», 1947.
- День медового дождя. Стихи и поэма. – Москва: «Современник», 1974.
- Белый дождь. Стихи. – Москва: «Малыш», 1974.
- Росинка. Стихи для детей на укр. яз. – Киев: «Веселка», 1975.
- Тамсы шатлығы. Шиғырҙар һәм поэма.- Өфө. - 1975.
- Звезда надежды. Стихи и поэма. - Уфа. - 1977.
- Липы цветут. Стихи. – Москва: «Детская литература», 1978.
- Ҡыҙыл үләндәр. Шиғырҙар.– Өфө, 1979.
- Тропинка памяти. Стихи и поэмы. – Москва: «Современник», 1980.
- Гөлдәр һәм йондоҙҙар. Мәҡәләләр. Ижади портреттар. – Өфө, 1981.
- Йәшенле офоҡтар. Шиғырҙар, поэмалар. - Өфө, 1983.
- Едем, едем к бабушке. Стихи. – Москва: «Малыш», 1981.
- Обращение к роднику. Стихи и поэмы. - Москва: «Худ. лит-ра», 1981.

- Багряные травы. Стихи и поэма. - Москва: «Сов.писатель», 1983.
- Язык любви. Стихи и поэма. – Москва: «Сов. Россия», 1984.
- Ҡояшлы шишмә. Балалар өсөн шиғырҙар һәм поэмалар. Өфө. 1987.
- Тауҙар төш күрә. Повесть, юлъяҙмалар. – Өфө, 1995.
- Атылған йондоҙҙар. Ҡазан. - 1997.
- Көҙгө усаҡтар. Шиғырҙар һәм поэмалар. – Өфө, 1998.
- Аҙымдар. Повестар, комедия, юлъяҙмалар. – Өфө, 2002.

Әҙиптең тормошо һәм ижады тураһында

- Хөсәйенов, Ғ.Б. Романтик рухлы шағир/Ғ. Хөсәйенов//«Башҡортостан» гәзите, 1993.- 15 октябрь, №200.
- Бикбаев, Р.Т. Муса Ғәлиҙең яҡты күңеле/Р. Бикбаев//«Башҡортостан» гәзите, 2009.- 2 май, №87.
- Ҡәҙим Аралбай. Илһамлы йырҙай ижад/Ҡ. Аралбай//«Башҡортостан» гәзите, 2013.- 26-27 ноябрь, №228-229.
- Күзбәков, Ф.Т. Мөхәббәтле йәшәүгә мәҙхиә/Ф. Күзбәков//«Башҡортостан» гәзите, 2003.- 15 октябрь. №204.
- Ҡәҙим Аралбай. Моңло Муса шишмәләре/Ҡ. Аралбай//«Башҡортостан» гәзите, 2003.-15 октябрь, №204.
- Дәүләтбирҙина, Т. С. Илгиҙәр шағир/Т. Дәүләтбирҙина//«Ағиҙел» журналы, 2003.- №10.- Б. 152-154.
- Ғәниева, Т.Ә. Шағир. Остаз. Уҙаман/Т. Ғәниева//«Ағиҙел» журналы, 1998.- №10.-Б. 161-164.
- Поварисов, С.Ш. Йырсы ҡош оя үргән һымаҡ.../С. Поварисов//«Ағиҙел» журналы, 1993.- №10.-Б. 109-115.
- Ниғмәтуллин, Ә.З. Шиғриәт бөркөтө/Ә. Ниғмәтуллин//«Башҡортостан» гәзите, 2008.- 26 ноябрь, №231.
- Кирәева, Л.Р. Шағир һүҙе/Л. Кирәева//«Башҡортостан» гәзите, 2003.- 7 май, №88-89.
- Ханнанов, Р. “Чишмәләргә дә жан жылысы кирәк...”: [Муса Галинең тууына 90 ел]/Р. ханнанов//Кызыл таң.- 2013.- 9 нояб.- С.6.
- Аралбай, Ҡ. Остаҙыбыҙҙы онотмайбыҙ: [Муса ағай Ғәлиҙе беҙ онотмайбыҙ]/Ҡ. Аралбай//Дим буйы.- 2014.- 15 март.- Б.3.
- Кинйәбулатов, И. Муса Ғәли ауылында/И. Кинйәбулатов//Дим буйы.- 2014.- 15 март.- Б.3.

«...Родина моя,
Земля моя,
Я твоим дыханием дышу.
Прикажи –
И все исполню я.
Даже невозможное –
Свершу!»

/Муса Гали/

Муса Гали — поэт-фронтовик и общественный деятель, без творчества которого, невозможно представить башкирскую поэзию второй половины XX - го столетия.

Муса Гали (Габдрахман Галеевич Галеев) родился в 1923 году в деревне Старо-Мусино Уфимского кантона Башкирской АССР, ныне Чишминского района Башкортостана. Рано лишившись отца, он воспитывался у дедушки. Окончив семилетнюю школу, один год учился в Уфимской медицинской школе, в 1939 году поступил в Давлекановское башкирское педучилище.

В марте 1942 года Муса Гали был призван в ряды Красной Армии. С осени 1943 года принимал участие в боях с фашистами, форсировал Днепр, освобождал Украину и Белоруссию. После тяжелого ранения находился в госпитале, а по выздоровлении продолжил военную службу до 1946 года. За храбрость и отвагу, проявленные в боях, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За отвагу». После демобилизации работал учителем и завучем в Чувалкиповской семилетней школе Чишминского района.

В 1948-1952 годах Муса Гали — студент Башкирского государственного педагогического института. С 1952 по 1959 годы работал заведующим отделом литературы и искусства в редакции журнала «Пионер». В 1956 году вступил в Союз писателей СССР. Трудился литературным консультантом в Союзе писателей Башкортостана. В 1963-1965 годах учился на Высших литературных курсах в Москве.

Первые свои стихи опубликовал в 1940 году. Сборник его стихов «Светлый день» вышел в 1953 году. Муса Гали является автором свыше сорока книг, четырнадцать из которых изданы в Москве. Своими поэмами «Песня Агидели», «Разговор через моря», «Июньские вечера», «Солнечный ветер» поэт завоевал широкую популярность среди любителей литературы. Он создал также произведения прозы и драматургии.

Более десяти своих книг, которые были изданы в Уфе и Москве, Муса Гали посвятил детям.

Произведения Мусы Гали отличаются разнообразием стихотворных форм и тематики, глубиной содержания и яркостью стиля. Его циклы стихов «Крымская тетрадь», «Французская тетрадь», «Монгольская тетрадь» и другие, написанные под впечатлением путевых наблюдений, пронизаны духом гражданственности и интернационализма.

Свое многостороннее творчество поэт всегда активно сочетал с общественной работой. Многие годы он был членом правления Союза писателей Башкортостана, входил в состав редколлегий журналов «Агидель» и «Уральский следопыт», комиссии по художественному переводу Союза писателей РСФСР, комиссии по азербайджанской литературе Союза писателей СССР. Он талантливо перевел на башкирский язык ряд произведений Аскада Мухтара, Александра Пушкина, Уильяма Шекспира.

Муса Гали вел активную работу по воспитанию молодых литераторов. Он достойно представлял башкирскую литературу во многих странах. Его произведения переведены на многие языки народов СССР и мира.

Известен тем, что ввёл в башкирскую поэзию ряд новых форм и образцов свободного стиха, внёс вклад в развитие эпического жанра, написав десять поэм. В его поэзии присутствовало сочетание внимания к деталям повседневности с романтическим пафосом.

За творческие успехи и активную общественную деятельность Муса Гали был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Башкирской АССР. В 1979 году он стал лауреатом Государственной премии имени Салавата Юлаева. Ему было присвоено высокое звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В родном селе его именем названы улица и средняя школа.

Сердце поэта перестало биться 15 января 2004 года, когда ему шел 81-й год. Похоронен он на родине.

Основные произведения поэта

Гали, М. Светлый день: Стихи/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1953.- 80 с.- На башк. яз.

Гали, М. Начало пути: Стихи /Пер. с башк./М. Гали.-Уфа:Башкнигоиздат, 1954.- 48 с.

Гали, М. Края родные: Поэма, стихи/М. Гали.-Уфа:Башкнигоиздат, 1957.-104 с.; Уфа: Башкнигоиздат, 1966.-98 с.

Гали, М. Украшенная уздечка: Рассказы для детей/ М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1959.- 64 с.

Гали, М. Разговор через моря: Поэма, стихи/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1960.- 170 с.

Гали, М. Песня Агидели: Поэма, стихи/ М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1961.- 116 с.; М.: Сов. Россия, 1965.- 68 с.

Гали, М. Две песни о Востоке: Поэма, стихи/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1962.- 68 с.

Гали, М. Когда улетают журавли: Стихи для детей/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1963.- 42 с.

Гали, М. Июньские вечера: Поэма, стихи/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1964.- 64 с.-На башк.яз.

Гали, М. Солнце и слезы: Стихи, поэма/М. Гали.- М.: Сов. Россия, 1956.- 98 с.

Гали, М. Росинки: Стихи для детей/М. Гали. М.: Малыш, 1965.- 16 с.; Киев: Веселка, 1975.- 18 с.

*Гали, М.*Луна улыбается: Стихи, поэма/М.Гали.-Уфа: Башкнигоиздат,1967.-48 с.

Гали, М. Горы зовут:Стихи, поэмы/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1968.-174 с.- На башк.яз.

Гали. М. Земля не спит:Стихи, поэма/ М. Гали.-Уфа: Башкнигоиздат,1969.-46 с.- На башк.яз.

Гали, М. Песня Агидели: Поэма/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1969.- 68 с.

Гали, М. Корни дуба: Стихи/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1969.- 96 с.-На башк.яз.

Гали, М. Солнечный ветер:Стихи, поэма/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1970.- 72 с.-На башк.яз.

Гали, М. Вишневые сережки: Стихи для детей/М. Гали.- М., 1970.- 24 с.

Гали, М. Серебряные звезды: Стихи,поэмы/М. Гали.-Уфа: Башкнигоиздат,1971.- 64 с.

Гали, М. Сердце весны: Стихи, поэмы/М. Гали.- М.: Сов. Россия, 1971- 112 с.

Гали, М. Белый дождик: Стихи/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1972.- 64 с.; М.: Малыш,1974.-16 с.

Гали, М. Кто разбудил меня?:Стихи/М. Гали.- М.: Малыш, 1972.- 24 с.

Гали, М. Избранная лирика/М. Гали.- М.:Молодая гвардия, 1972.- 32 с.

Гали, М. Почка: Стихи, поэмы/М.Гали.-Ташкент: Литература и искусство,1973.- 78 с.

Гали, М. Стихи и поэмы /М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1973.- 200 с.-На башк.яз.

Гали, М. Тростниковая флейта: Стихи, поэмы/М. Гали.- М.: Сов. Писатель, 1974.- 128 с.

Гали, М. День медового дождя: Стихи, поэмы/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1975.- 64 с.

Гали, М. Радость капли:Стихи и поэма/М.Гали.-Уфа:Башкнигоиздат,1975.-64 с.-На башк.яз.

Гали, М. Звезда надежды: Стихи и поэмы для детей/М. Гали. - Уфа: Башкнигоиздат, 1977.- 128 с.

Гали, М. Липы цветут: Стихи для детей/М. Гали.- М.: Дет. лит., 1978.- 64 с.

Гали, М. Багряные травы: Стихи/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1979.- 112 с.-На башк.яз.

Гали, М. Тропинки памяти:Стихи, поэмы/ М. Гали.- М.: Современник, 1980.- 232 с.

Гали, М. Цветы и звезды: Размышления о поэзии, творческие портреты, путевые заметки/М. Гали.- Уфа: Башкнигоиздат, 1981.- 208 с.-На башк.яз.

Гали, М. Едем, едем к бабушке/М. Гали.- М.: Малыш, 1981.- 80 с.

Гали, М. Обращение к роднику: Стихи/М. Гали.- М.: Худ. лит., 1981.- 254 с.

Гали, М. Грозовые горизонты: Избранные стихи, поэмы /М. Гали; Предисл. Г. Хусаинова.- Уфа: Башкнигоиздат, 1983.- 496 с.- На башк.яз.

Гали, М. Багряные травы:Стихи, поэма/М. Гали.-М.: Сов. писатель, 1983.-112 с.

Гали, М. Язык любви: Стихи, поэма/М. Гали.- М.: Сов. Россия, 1984.- 144 с.

Гали,М. Солнечный родник: Стихи, поэма, сказка/М. Гали.-Уфа: Башкнигоиздат.- 1987.- 56 с.

Гали, М. Кони с бубенцами: Для детей/М. Гали.- Уфа: Китап, 1993.- 160 с.- На башк.яз.

Гали, М. Горы видят сны: Повесть, путевые заметки/М. Гали.- Уфа: Китап, 1995.- 208 с.

Гали, М. Отзвук струны: Стихи/М. Гали.- М.: Сов. писатель, 1995.- 120 с.

Гали, М. Падающие звезды/М. Гали.- Казань, 1997.- 208 с.-На тат.яз.

Гали, М. Осенние костры: Стихи/М. Гали.- Уфа: Китап, 1998.

Гали, М. Шаги: Повести, комедия, путевые заметки/М. Гали.- Уфа: Китап, 2002.- 528 с.

Литература о жизни и творчестве М. Гали

Мурзады, С. Песни реки Белой: Рец. на кн. М. Гали “Песня Агидели”/С. Мурзады//Урал.- 1962.- №6.- С.167-162.

Муса Гали: Биографическая справка//Краткая литературная энциклопедия.Т.2.- М.,1963.- С.39.

Шафиков, Г. Стихи из трав и солнца: О сборнике М. Гали “Солнце и слезы” и К. Киньябулатовой “Травинка”/Г. Шафиков//Сов. Башкирия.- 1965.- 19 авг.

Муса Гали: Библиографический указатель//Писатели Башкортостана.- Уфа: Башкнигоиздат, 1968.- С.161.

Шафиков, Г. Ростком проросшие стихи /Г. Шафиков //Сов. Башкирия.- 1968.- 22 нояб.

Муса Гали//Антология башкирской поэзии.- Уфа: Башкнигоиздат, 1971.- С.546-553.

Клюшин, А. На языке Навои: Поэма М. Гали “Апрель” переведена на узб.яз/А. Клюшин//Веч. Уфа, 1972.- 14 июля.

Гафуров, М. Узор малахита: О стихотворениях М. Гали/М. Гафуров//Сов. Башкирия.-1972.- 21 окт.

Мухтар, А. Тростниковая флейта: О поэзии М. Гали /А.мухтар//Лит. жизнь России.- 1973.- 25 мая.

Дронова,Е. Родниковая свежесть стиха: Поэту М. Гали – 50 лет/Е. Дронова//Ленинец.- 1973.- 13 окт.

Татьничева, Л. Мусе Гали – 50 лет/Л. Татьяничева//Лит. газета.- 1973.- 31 окт.

Хакимов, Р. Поэзия, пронизанная солнцем: К 50 – летию поэта/Р. Хакимова//Сов. Башкирия.- 1973.- 14 окт.

Коршик, Л. Кто разбудил меня: О сборнике стихов для детей М. Гали “Кто разбудил меня?”/Л. Коршик/Веч. Уфа.- 1973.- 24 фев.

Смирнов, В. Верю – солнце ждет нас за туманом: О книге М. Гали “Звезда надежды”/В. Смирнов//Веч. Уфа.- 1977. 25 авг.

О поэзии М. Гали//История Башкирской Советской литературы.- М.: Наука.- 1977.- С.368-396.

Амири, Г. Поэзия крылатая, возвышенная/Г. Амири //Сов. Башкирия.- 1979.- 6 марта.

Смирнов, В. Окуная сердце в зарю: Заметки о лирике М. Гали/В. Смирнов//Веч. Уфа.- 1979.- 10 марта.

Хусаинов, Г. Поэзии суть: О творчестве М. Гали/Г. Хусаинов//Сов. Башкирия.- 1979.- 14 марта.

Шатанько, Е. Воспитание поэзией: О творчестве М. Гали/Е. Шатанько//Сов. Башкирия.- 1979.- 18 марта.

Рамазанов, Г. О поэзии М. Гали/Г. Рамазанов //Многоцветье.- М.:Современник, 1980.- С. 76-77.

Шафиков, Г. Глубина стиха: К 60-летию М. Гали/Г. Шафиков//Веч. Уфа.- 1983.- 14 окт.

Нечаева, Л. Плененный красотою жизни: К 60-летию М. Гали/Л. Нечаева//Сов. Башкирия.- 1983.- 15 окт.

Указ Президиума Верховного Совета БАССР “О награждении М. Гали почетной грамотой”//Сов. Башкирия.- 1983.- 15 окт.

Поэт М. Гали делится со своими творческими планами //Сов. башкирия.- 1985.- 11 янв.

Бикбаев, Р. О Мусе Гали/Р. Бикбаев//Время. Поэт. Народ. - М.: Современник, 1986.- С. 41-43.

Поэт М. Гали отвечает на вопросы//Сов. Башкирия.- 1987.- 24 мая.

Ахметкужин, А. В стране поэта: К 60-летию поэта/А. Ахметкужин//Ленинец.- 1983.- 15 окт.

Смирнов, В. Струны сердца: О книге М. Гали “Багряные травы”/В. Смирнов//Веч. Уфа.- 1984.- 15 мая.

Мы в пути, поэт!: М. Гали – лауреат премии им. С. Юлаева//Веч. Уфа.- 1987.- 24 июня.- С.3.

Незабываемые дни: К 70-летию М. Гали//Родник.- 1993.- 22 сент.

“*О, Родина моя!* Меня согрей, я за тепло твое плачу стократно”: К 70-летию выдающегося поэта – земляка, лауреата премии им. С. Юлаева М. Гали//Родник.- 1993.- 14 окт.

Шафиков, Г. Поэзия тепла и доброты/ Г. Шафиков//Веч. Уфа.- 1993.- 15 окт.

Шафиков, Г. Играющий на струнах сердца: О поэте/Г. Шафиков//Известия Башкортостана.- 1993.- 15 окт.

Ахметкужин, А. “Я по молниям скучаю”/А. Ахметкужин //Сов. Башкирия.- 1993.- 15 окт.

Указ Президента РБ “О награждении Почетной грамотой РБ поэта М. Гали”//Известия Башкортостана.- 1998.- 11 нояб.

Гали, М. Корни – в земле, душа – в небе:[Интервью с поэтом М. Гали]/М. Гали//Изв. Башкортостана.- 1998.- 15 окт.

«Пылающее солнце на ладони я людям в дар преподнести готов»: К 75 –летию М. Гали//Родник.- 1998.- 14 окт.

Филиппов, А. Звездные пути поэта: Отрывок из книги «Поэты»/А. Филиппов//Истоки.- 1998.- №19.- С.11.- Фото М. Гали.

Муфаррахов, Г. Завидная судьба поэта/Г. Муфаррахов//Родник.- 1998.- 14 окт.

Сафуанов, С. Путь к сердцам людей: М. Гали/С. Сафуанов//Изв. Башкортостана.- 1998.- 15 окт.

Байбурина, И. Родимый край – источник вдохновения: О вечере, посвященном юбилею М. Гали/И. Байбурина//Родник.- 1998.- 9 дек.

Мы в пути, поэт!: М. Гали – лауреат премии им. С. Юлаева//Веч. Уфа.- 1987.- 24 июня.- С.3.

Незабываемые дни: К 70-летию М. Гали//Родник.- 1993.- 22 сент.

“*О, Родина моя!* Меня согрей, я за тепло твое плачу стократно”: К 70-летию выдающегося поэта – земляка, лауреата премии им. С. Юлаева М. Гали//Родник.- 1993.- 14 окт.

Шафиков, Г. Поэзия тепла и доброты/ Г. Шафиков//Веч. Уфа.- 1993.- 15 окт.

Шафиков, Г. Играющий на струнах сердца: О поэте/Г. Шафиков//Известия Башкортостана.- 1993.- 15 окт.

Ахметкужин, А. “Я по молниям скучаю”/А. Ахметкужин //Сов. Башкирия.- 1993.- 15 окт.

Указ Президента РБ “О награждении Почетной грамотой РБ поэта М. Гали”//Известия Башкортостана.- 1998.- 11 нояб.

Гали, М. Корни – в земле, душа – в небе:[Интервью с поэтом М. Гали]/М. Гали//Изв. Башкортостана.- 1998.- 15 окт.

«Пылающее солнце на ладони я людям в дар преподнести готов»: К 75 –летию М. Гали//Родник.- 1998.- 14 окт.

Филиппов, А. Звездные пути поэта: Отрывок из книги «Поэты»/А. Филиппов//Истоки.- 1998.- №19.- С.11.- Фото М. Гали.

Муфаррахов, Г. Завидная судьба поэта/Г. Муфаррахов//Родник.- 1998.- 14 окт.

Сафуанов, С. Путь к сердцам людей: М. Гали/С. Сафуанов//Изв. Башкортостана.- 1998.- 15 окт.

Байбурина, И. Родимый край – источник вдохновения: О вечере, посвященном юбилею М. Гали/И. Байбурина//Родник.- 1998.- 9 дек.

Мусе Гали – 80 лет//Респ. Башкортостан.- 2003.- 15 окт.

Докучаева, А. «когда в горы один я уйду…»: М. Гали//Респ. Башкортостан.- 2004.- 19 февр.

«Я всегда возвращаюсь сюда…»: РБ простилась с М. Гали//Родник.- 2004.- 21 янв.

Память Мусы Гали будет увековечена//Родник.- 2005.- 2 февр.

Байбурина, И. Поэт, Фронтовик, Человек: [К 90-летию мусы Гали]/И. Байбурина//Родник.- 2013.- 24 окт.-С.3.

Хакимзянова, Ф. Я удачу недаром с земляками делю...: [В районе прошли торжества к 90-летию Мусы Гали]/Ф. Хакимзянова//Родник.- 2013.- 31 окт.- С.1.

Годы мои, молодые, зеленые...

Годы мои, молодые, зеленые,
Знали бы вы, как без вас я грущу!
Может быть, где-нибудь и отыщу
Юность мою, огнем опаленную.

Юность моя, ты в дорогах растеряна,
Как же следы отыщу я твои?
Может, спросить у березы простреленной,
Где я впервые узнал о любви?

Ты неуклюжей была и неловкою,
Шла по дорогам, кирзою пыля,
Но за твоей безотказной винтовкою
С верой следила планета Земля.

Под минометной плитою сгибалась ты,
Падала навзничь, стон затая,
На заднепровском плацдарме осталась ты,
Кровью истекшая юность моя.

Если б теперь, с висками седеющими,
Я тебя где-то в ночи отыскал,
Я разбросал головешки бы тлеющие,
Плашек березовых я натаскал.

Я бы согрел, накормил тебя досыта,
Все самолеты пустил бы в облет,
Ты бы спала под шинелью без просыпу,
Пушки бы смолкли, затих пулемет.

Я не за то, чтоб оружье сложила ты,
Чтобы забыла ты о борьбе.
Просто все это так заслужила ты,
И ничего не досталось тебе.

/Муса Гали. Перевод Е. Николаевской/

Ҡәләм һәм штык

Аралбай, Ҡәҙим. Моңло Муса Шишмәләре /Ҡ. Аралбай//Ватандаш.- 2003.- №5.- Б. 49, 58-60.

Башҡорт әҙәбиәтенә уҙған быуаттың 60-сы йылдарында килгән беҙҙең быуын (күбебеҙ ул саҡта вуз студенттары) өсөн Бөйөк Ватан һуғышынан ҡайтҡан яугир ҡәләм оҫталары буй етмәҫ бейеклек, ҡаһарманлыҡ һәм рухи юғарылыҡ өлгөһө булды. Һәм шундай булып ҡалдылар ҙа. Улар менән башта юғары уҡыу йорттарында әҙәби кисәләрҙә осрашһаҡ, тора-бара матбуғат йортонда, редакцияларҙа, китап нәшриәтендә, Башҡортостан яҙыусылар союзында, ғилми институтта күрешергә, аралашырға тура килде. Оло ҡәләмдәштәрем — фронтовик яҙыусылар Хәниф Кәрим, Ҡадир Даян, Сәләх Кулибай, Әмир Чаныш, Әнүәр Бикчәнтәев, Назар Нәжми, Мостай Кәрим, Яныбай Хамматов, Шәриф Бикҡол, Муса Ғәлиҙәр менән бер ижади союзда бергә ҡайнау, төрлө йыйын, съездарҙа, командировкаларҙа бергә булған саҡтарҙы айырыуса йылылыҡ, һағыныу менән иҫкә алам. Элекке фронтовиктарҙың ҡайһы берҙәре: Ғәли Ибраһимов, Шакир Янбаев менән «Ағиҙел» журналы редакцияһында, Нур Зарипов менән Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында (аспирант саҡта), Зөлфәр Хисмәтуллин менән Башҡортостан яҙыусылар союзында бергә эшләү ҙә насип булды. Ут-һыу үткән, һуғыш яралары набат кеүек хәтерҙәренә ҡағып торған әҙиптәребеҙ Мостай Кәрим, Назар Нәжми, Хәким Ғиләжев, Ибраһим Ғиззәтуллин, Муса Ғәли, Нәжиб Асанбаев, Яныбай Хамматов, Әхиәр Хәкимовтар менән яҡындан аралашыу бәхете тейҙе, өйҙәрендә күп тапҡырҙар булырға тура килде, әҙәби мөхит, рухи донъябыҙ хаҡында әллә күпме әңгәмәләшкән мәлдәр хәтерҙә. Һуғыштан һуң әҙәбиәтте күтәреүҙә, башҡорт әҙәбиәтен Рәсәй һәм донъя кимәленә сығарыуҙа яугир яҙыусыларыбыҙҙың ижади хеҙмәте баһалап бөткөһөҙ. Еребеҙ яҙмышын ҡурсалаған, заман һулышын тойоп йәшәгән ил ағалары бөгөнгө быуын әҙиптәре өсөн генә түгел, ә киләсәктә лә башҡорт әҙәби телен нығытыуҙа, нәфис әҙәбиәтте артабан үҫтереүҙә ижад ҡаһарманлығы өлгөһө булып торасаҡ. Яугир әҙиптәребеҙ ҙә ғүмерҙәрен биреп, изге ҡандарын ҡойоп яулап алған Бөйөк Еңеүҙең етмеш йыллығын билдәләгәндә уларҙың яҡты рухтары ла беҙҙең менән. Исемдәрен иҫкә алабыҙ, әҫәрҙәрен уҡыйбыҙ, китаптарын нәшер итәбеҙ икән, тимәк, улар рухи донъябыҙға фиҙакәр хеҙмәттәрен дауам итә. Амин, шулай булһын.

Моңло Муса шишмәләре

Муса Ғәли (1923—2004)

Легендар быуын вәкиле ул — әҙәбиәтебеҙ аҡһаҡалы, күренекле шағир Муса Ғәли. Ошо легендар быуында — Хәким Ғиләжев, Ғилемдар Рамазанов, Муса Ғәли һәм Шәриф Бикҡол — дүрт яугир-әҙип, Дәүләкән педагогия училищеһын тамамлап, имен хеҙмәт юлына аяҡ баҫҡас ҡына, ерҙе ауыр туптар гөрһөлдәүе тетрәтә. Улар, ун һигеҙ-ун туғыҙ ғына йәшлек егеттәр, бер төптән күтәрелеп, һалдат гимнастеркалары кейеп, билгә һары ҡайыш быуып, ҡулға ҡорал алып, дошман менән ауыһыҙ алышҡа ташланалар. Дүртеһе лә ҡаты яралар менән тыуған илгә — һөйөклө Башҡортостанға

әйләнеп ҡайта, һәм тағы ла хеҙмәт — был юлы әҙәбиәт фронтында һүҙ сәнғәтенә хеҙмәт — башлана. Быныһы инде оҙайлы хеҙмәт — срокһыҙ, алһыҙ-ялһыҙ, ғүмерлеккә ижад утында яныу... Дүрт яугир-әҙип халҡыбыҙҙың күренекле шәхестәре булып етеште, арымайталмай әҙәбиәт йөгөн тарттылар. Дүртеһенең дә башҡорт әҙәбиәтен яңы бейеклектәргә күтәреүҙә дөйөм уңыштары булған кеүек, һәр береһенең тик үҙҙәренә генә хас, айырым-айырым үҙенсәлекле ижадтары, ҡабатланмаҫ моңаһәңле шиғриәттәре күңелдәрҙе тарта һаман да. Дүртеһен дә берләштергән йәнә бер уртаҡ һыҙат хаҡында ла әйтмәү мөмкин түгел. Ул — әҙәби алмаш тәрбиәләүгә талымһыҙ хеҙмәт итеү. Аллаһы Тәғәлә биргән талант-ҡеүәңде йәш ҡәләмдәштәрең менән ихлас бүлешеү. Ошо оҙайлы ижад ғүмере эсендә, әгәр иҫәпләп ҡараһаң, Муса ағай йәштәрҙең күпме тәүге ҡулъяҙмаларын уҡыған, кәңәштәр күндергән, фатиха биргән. Йөҙҙән ашып китәлер, кәм тигәндә. Ә бит һәр бер ҡулъяҙма артында шағир яҙмышы тора: хуплайһыңмы һин уны ижад юлына, әллә сыбыҡлайһыңмы... Ғөмүмән (мин беләбелгән 60-сы йылдарҙан), Муса ағай йәштәргә ҡаты бәрелмәне, ҡаты бәғерлелек күрһәтмәне. Әммә был йомшаҡлыҡты, объектив булмауҙы аңлатмай. Ҡулъяҙмаларға ҡарата ул тейешенсә ғәҙел, хаҡ баһалы булды. Әммә етешһеҙлекте, йәш ҡәләмдәшенең яҙыуҙағы кәмселектәрен ул бик һаҡ, ипле генә төҙәтер, йә уйынсалап, йә кинәйәләп еткерер. Йәш авторға быңдай мөғәмәлә — күңелгә майҙай. Ошондай мөнәсәбәттән һуң ул оло әҙипкә магнитҡа тартылғандай тартыла, йылыға яҡынлағандай ылыға башлай. Муса ағайҙың айырыуса ҡатын-ҡыҙ шағирәләргә иғтибарлылығы маҡтау ҙа, һоҡланыу ҙа тойғоһо уята. Был тәңгәлдә беҙҙә ниндәй шағирәләр бар һәм әҙәбиәттә үҙ урынын алған, шуларҙың күбеһе хаҡында Муса Ғәли һүҙ әйткән булыр. Кәтибә Кинйәбулатова, Фәүзиә Рәхимғолова, Әнисә Таһирова, Факиһа Туғыҙбаева, Тамара Ғәниева, Тамара Искәндәрова һәм башҡа шағирәләрҙең ижадына ул үҙе ғашиҡ булып, үҙ итеп, айырыуса бер һоҡланыу һәм инаныу менән фекер уртаҡлаша. Муса Ғәли байтаҡ йылдар Башҡортостан Яҙыусылар союзының шиғриәт секцияһына етәкселек итте. Башҡорт шиғриәтенең үҫеш тенденцияларын байҡап, 1970—1980 йылдарҙа ижади йыл йомғаҡтарына арналған докладтар яһаны. Уның доклад һәм сығыштары, ғәҙәттә, теоретик юғарылыҡ, дәлилдәр төплөлөгө менән айырылып торҙо. Башҡорт шиғриәтенә генә хас милли колоритты күреү, 59 милли образдарҙы тотоп алыу һәләте менән ул — үҙенең поэтик кимәлен, донъя шиғриәте талаптарынан сығып фекер йөрөтөүен, киң эрудицияһын да танытты. Муса ағайҙың йәштәргә туранан-тура ярҙамы, ижади йоғонтоһо дөйөм әҙәби процесҡа, әҙәбиәт үҫешенә һис шикһеҙ ыңғай тәьҫир яһаны. Йәш әҙиптәрҙе ана шулай быуын-быуын үҫтереү, даими хәстәрлек күрһәтеү әҙәбиәттә Муса Ғәлиҙең ижад мәктәбен булдырҙы тиһәк, һис тә арттырыу булмаҫ, һирәктәр өлөшөнә төшә быңдай бәхет. Муса Ғәли — бик үҙенсәлекле тыуған яҡ йырсыһы ла. Уның шиғриәте ҡулына ҡорал тотоп һаҡлаған

ғәзиз тыуған еренә, мәғрур Уралыбыҙға сикһеҙ мөхәббәт менән һуғарылған, сал ҡылғанлы далаларға һәм сая бөркөттәр төйәкләр ҡыраз тауҙарға ҡайнар хистойғолар менән туҡылған. Байтаҡ ҡына шиғырҙарына мәшһүр композиторҙарыбыҙ матур-матур көйҙәр яҙған, йырсыларыбыҙ репертуарҙарынан төшмәç моңло йырҙар ижад иткән... Мин әкиәт кеүек күреп бағам Үҙ еремдең зәңгәр төçөнә. Париждарҙан урап ҡайтһам да мин, Иçерәмен арыш еçенә... — тип яҙҙы Муса Ғәли, тыуған ер ҡәҙерен изге анттай йөрәк түрендә йөрөткән кеше булараҡ, 1975 йылда үҙенең «Тыуған яҡта» шиғырында.

Тыуған яғы — Шишмә яҡтарында Муса Ғәлиҙең Аҡ шишмәһе бар. Шағирҙың күркәм юбилей байрамдарының ошо сихри, нурлы, йырлы Аҡ шишмә буйҙарында үткәненә шаһит булғаным бар. Ул инеште халыҡ **«Муса шишмәһе»** тип тә йөрөтә. Әҙәбиәтебеҙ аҡһаҡалы Муса Ғәли шишмәләре иһә — оло әҙәбиәт Иҙеленә килеп ҡойған мул һыулы һалҡын шишмәләрҙең моңлоһо ла, йоро ла, тынмаçы ла, ҡоромаçы ла. Шишмәләр иле — Башҡортостан һәм уның әҙәбиәтенә аяҡ баçҡан күп кенә йәш ҡәләмдәштәремде мин моңло Муса Ғәли шишмәһенән көс-ҡеүәт алып урғылған, илһам һәм дәрт татып яҡтыға атлыҡҡан яңы шишмәләргә лә оҡшатам.

Йылдар һәм ижад. Ғүмер һәм әҙәбиәт. Былар Муса ағай өсөн айырылғыһыҙ төшөнсәгә, бер бөтөнгә әйләнгәндәр инде. Шиғырҙар, поэмалар, повестар, пьесалар, тәнҡит мәҡәләләре, хәтирәләр, юл яҙмалары... Тынғыһыҙ әҙәби эшмәкәрлек, эҙләнеү һәм талапсанлыҡ, эскерһеҙлек һәм тоғролоҡ — Муса Ғәли шәхесен ҡылыҡһырлар төп сифаттар. Уның хаҡында ауыҙ тултырып: *«Муса Ғәли — әҙәбиәтебеҙҙең намыçы ла»*, — тип өçтәй алабыҙ.

Уҙған быуаттың 80-се йылдарында Мостай Кәрим, Рәсүл Ғамзатов, Сибғәт Хәким, Яков Ухсай, Назар Нәжми, Давид Кугультиновтар рәтендә Муса Ғәли шиғриәте лә Рәсәй милли әҙәбиәттәре күгендә сағыу йондоҙ булып балҡыны, һәм ул үҙенең ил алдындағы бай поэтик ижады менән дә, тынғыһыҙ әҙәби-ижтимағи эшмәкәрлеге менән дә быға тулыһынса лайыҡлы йәшәне.

Муса Ғәли — башҡорт әҙәбиәтенең иң сағыу таланттарының береһе булды. Бөтә ижадын халҡының күңел даръялары сайҡалыуын һәм сайпылыуын йырлауға бағышланы, башҡорт әҙәбиәтенә хеҙмәт итеүгә бар ғүмерен арнаны. Ул бөгөн әҙәбиәтебеҙ йөгөн бергәләп тартып барған урта һәм йәш быуын әҙиптәренең күбеһе өсөн ихлас ярҙамсыл, оло ҡәләмдәш, яҡын дуç, кәңәшсе ағай ине. Байтаҡ сит илдәрҙә, алыç һәм яҡын ерҙәрҙә ул, башҡорт шағиры булараҡ, киң танылды, беҙҙең шиғриәтебеҙ офоҡтарын киңәйтте. Муса Ғәли ижады халҡыбыҙ күңелен оҙаҡ нурлар, илһамландырыр, һоҡландырыр әле. Шулар өсөн рәхмәт һиңә, Муса ағай!

Аҡ шишмә

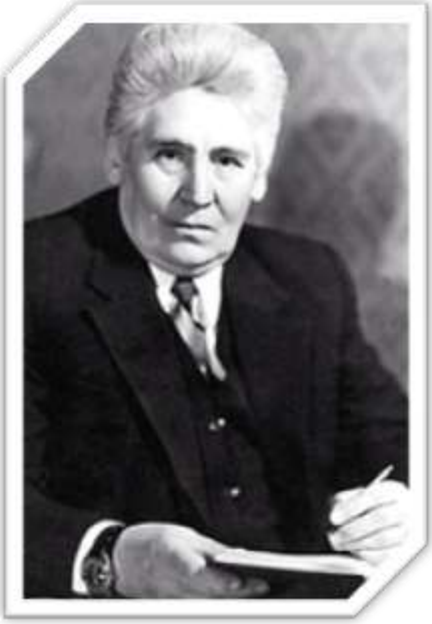
/Атаҡлы шағир Муса Ғәлизең яҡты иҫтәлегенә/

Үтә күренмәле күҙгә мәлдә
Үтә моңһоу сыңлай Аҡ шишмәң.
Үтеп күпме юлдар, сарсағанда
Аҡ шишмәңдән ятып һыу эсәм.
Булыр һымаҡ бер аҙ тыйнаҡһыҙлыҡ
Аунау изге инеш ярында.
Тыңла, шишмә тарих бәйән итә,
Күҙ алдыңа теҙеп барын да.
Ниҙәр генә күреп-кисермәгән
Аҡ шишмәңдең оҙон ғүмере.
Быуаттарҙың баҙлай төпкөлөндә
Ярҙарында ҡалған күмере.
Юлсыларҙың, дәрүиш, мосафирҙың
Берҙәй ҡандырған ул һыуһынын.
Изге уйлы кешеләргә генә
Пәйҙә булған бында Һыуһылыу.
Аҡ шишмәгә килгән Аҡмулла ла,
Сыҡҡанында алыҫ сәфәргә,
Шишмә йырын тыңлап тынысланған,
Сәй ҡайнатҡан ярҙа сәхәрҙә...
Ҡайтыр өсөн ҡабат Аҡ шишмәгә
Нәҙер әйткән күпме ауылдаш!
Шишмә иҫкә ала уландарын,
Яҙмыштары янғас дауылда.
Һин дә кистең утлы даръяларҙы,
Ярҙа әҙер усаҡ көтмәне.
Аҡ шишмәң гел төштәреңә инде,
Телеңдән дә тәме китмәне.
Аҡ шишмәңдең эсһәң шифа һыуын,
Китер инең бермә йәшәреп.
Әммә ғүмер генә етмәй икән
Йырлар өсөн тынмаҫ шишмәне.
Шишмәң һаман йырлай. Уның йырын
Туҡтаталмаҫ, шөкөр, бер кем дә.
Әрнеү тына — шишмә сылтыраһа,
Ер йәшәрә — дымы бөркөлһә.
Тыуған ерҙең көмөш шишмәләре —
Мәңге тынмаҫ, һүнмәҫ хис икән.
Сит яҡтарҙа кисһәң — кис даръялар,
Үҙ шишмәңдән моңдар эс икән!
Ҡарамайса ҡыуан елдәргә лә
Шишмә йырлай, сыңлай, бирешмәй...
Һинең гәлсәр моңло шиғриәтең —
Үҙе мәңге сыңлар аҡ шишмә.

/2005 йыл/

Его поэзии медовые дожди

Докучаева, А. Его поэзии медовые дожди:
Имена. Мусе Гали исполнилось бы 85 лет/
А. Докучаева//"Республика Башкортостан", 2008.- № 203



* * *

Что-то старая рана заныла опять у меня...
Вновь томится душа незабытой тревогой...
Хлещут струи дождя, об оконные стекла звеня...
Что за годы нас ждут?.. Неужели беда у порога?..
А меж тем потеплело...
Сложил свои крылья буран.
Распростилась береза с пушистой своей бахромою.
И, оттаяв, Земля посылает далеким мирам
Вместе с первым подснежником доброе слово земное.
Что же ветра порывы опять холодны и остры? Неужели они принесут нам былую недолю?..
А на речке весенней меж тем запылали костры, Там плывет по воде, полыхая, перекати-поле...
Эх, побольше б его на воде — золотого огня!..
Только б здесь, на земле, снова пламени не разгореться!
...Что-то старая рана заныла опять у меня,
Наполняя тревогой смущенное сердце...
(Перевод Ю. НЕЙМАН).

* * *

Словно это было вчера. Вижу, как приходит в Дом печати Муса Гали. Заглядывает в кабинет с ясной своей улыбкой, снимает зимнюю шапку, открывая крупную седую голову. От теплой приветливости его голубых глаз в комнате будто светлее становится — так велико обаяние этого доброго и скромного человека, который никогда не кичился своей известностью, а уж стихи для публикации в ответ на просьбу редакции предлагал не то что с неуверенностью, но с неким сомнением, свойственным по-настоящему талантливым людям, для которых всегда важен отклик. С недоверием отношусь к тем «великим», которые утверждают, что мнение зрителей, слушателей, критиков их не волнует — они, дескать, сами обозначают цену своих творений. Муса Галеевич каждый раз с беспокойством ждал оценки, хотя мы уже давно смогли убедиться в том, что она всегда высока, потому как стихи у него замечательные, искренние, исповедальные и даже когда горькие — все равно оптимистичные, со светлой печалью и теплящейся надеждой на лучшее.

Все, что он писал, несет на себе отпечаток его глубоких раздумий, его сердечной боли или радости. Дежурных, равнодушных строк нет ни в поэзии его, ни в прозе,

ни в публицистике — в статьях был он особенно страстен, не боялся высказывать мнение сугубо личное во времена самой строгой цензуры.

Война прошлась и по душе его, и по телу — он пережил кровопролитие неравных боев, попав на фронт в 42-м году, трагичность потерь. Чего только стоила та операция в полевом госпитале без наркоза, когда при переправе через Днепр в начале октября 43-го года он был тяжело ранен. Среди его боевых наград особенно дорогой была медаль «За отвагу». Он не очень охотно вспоминал о войне, но однажды, когда принес подборку стихов к Дню Победы, мы разговорились — тогда и узнала кое-какие факты его боевой биографии. А вот об отношении к своей фронтовой эпопее, к боевым друзьям я прочитала в интервью, которое он давал газете «Советская Россия» в 1989 году. Могу здесь привести это высказывание, поскольку недавно, побывав в гостях у Райсы Гайнетдиновны Галеевой, верной подруги поэта, у нее нашла пожелтевшую газетную вырезку: «...Я шел в атаку, со мной вместе, рядом, шли русский, таджик, узбек, якут... Это были мои верные друзья, мои товарищи. Иные и русский язык понимали плохо, но знали свое святое дело. Защитить Родину, пусть ценою собственной жизни. У каждого солдата непременно был друг по окопу. На привалах, в больших походах один стелил свою шинель на землю, а шинелью другого укрывались. И вовсе не обязательно было, чтобы окопным другом был твой соплеменник. Да и кто думал об этом! У меня, например, товарищем по окопу был туркмен. А с поля боя вынес на себе русский санитар — лишь спустя годы я осознал это...».

Муса Гали очень мудро подходил к оценке перестроечных событий — не все зачеркивал (что бывает свойственно многим людям его поколения) и не все принимал. С особой осторожностью относился к так называемому «национальному вопросу». Переживая за размежевание людей, за разрушение «дружбы народов», в то же время считал, что ассимиляция, слияние их невозможны, потому как убивают самобытность, размывают присущую каждому народу историю и духовность. Опять хочу предоставить слово об отношении к истории ему самому: «Кто спорит: безнравственно было разрушение храмов, уничтожение крестьянства, отлучение его от земли и многое другое. Но я бы взял с собой в сегодняшний день из прошлого святую веру в наши идеалы, благородные традиции народов, их добрососедство, наконец, честность и бескомпромиссность моего фронтового поколения, его человечность»...

Видимо, похожие биографии, а главное — похожие взгляды на жизнь, на искусство и литературу, породили дружбу Мустая Карима и Мусы Гали. Часто они вдвоем ездили в Дома творчества, и оба привозили оттуда новые произведения, наверняка находя друг в друге первых и заинтересованных читателей. Один из сборников стихов Мусы Гали, переведенных на русский язык такими маститыми поэтами, как Елена Николаевская, Ирина Снегова, Людмила Татьяничева, Александр Филиппов, называется «День медового дождя» — по названию одного из стихотворений и по любимому образу дождя, то теплого, оплодотворяющего землю, то тяжелого, словно свинец, то юного, весеннего, несущего свежесть и чистоту. Листаешь его страницы и погружаешься в яркий, наполненный высокими чувствами мир большого мастера

и большого человека. Напоследок хочу привести здесь слова Мустая Карима, который замечательно выразил впечатления, возникающие при соприкосновении с поэзией Мусы Гали: «Когда читаешь стихотворения и поэмы уже зрелого Мусы Гали, тебя постоянно сопровождает ненавязчивый шум дождя, и тихо колышутся перед тобой листья и колосья. Этот шум и это колыхание уводят меня в детские годы... Мне представлялось тогда, что теплые дожди рождаются там, за лесами, над знаменитым шумными базарами аулом Старый Муса. Сейчас я думаю, что, если бы не многозвучная песня сына того края, светлой и нежной струей влившегося в башкирскую поэзию, ко мне бы, возможно, никогда не приходили воспоминания о тех далеких щедрых дождях. Вот так подлинная поэзия всегда возвращает тебя к твоим истокам, к твоим первым надеждам и потерям. И она утверждает тебя в мысли, что иные потери со временем становятся твоим непреходящим достоянием, а суетные удачи оборачиваются укорами».

Лучше не скажешь о совестливом и высокохудожественном творчестве Мусы Гали, который обращает читателя к раздумьям об окружающем мире, о людях и о себе самом.

Муса Гали - поэт и романтик с седыми волосами

/Александр Зиновьев. 14 октября 2008 года/
https://rb7.ru/news/ufa-and-rb/society/13584

На горе Славин, что возвышается над Братиславой, есть кладбище советских воинов. Побывавший здесь известный башкирский поэт-фронтовик прочитал на одной из могильных плит такую надпись "Красноармеец Салида Султанова. 1945". Имя девушки-воина запало в душу писателя, унося его в те дни и ночи, когда он со своей ротой с боями продвигался по Чехословакии, освобождая ее от немецко-фашистских захватчиков и где был тяжело ранен. В итоге этого путешествия в столицу Словакии, в ее настоящее и прошлое, и связанных с ним душевных переживаний у поэта Мусы Гали родились стихи "Кто ты, Салида?", "Матица Словенска", "Прощание с Братиславой" и другие, составившие поэтический цикл "Память о Словакии". Тема войны нашла своеобразное и яркое художественное воплощение и в его поэме "Багряные травы".

Муса Гали (Габдрахман Галиевич Галиев) родился в деревне Старомусино Чишминского района. Название родной деревни он, став уже известным поэтом, перенес в свое имя. Уже после войны закончил Башгоспединститут, затем Высшие литературные курсы в Москве.

Поэт Александр Филиппов, друживший с ним многие годы и одним из первых начавший переводить его на русский, говорит о нем так:

— Совесть его чиста, как и строки его задушевной поэзии. Дороги ужасной войны, где он форсировал Днепр, бесчисленные дороги жизни: то светлые, то пыльные (всякие были), глубина познаний, масштабность мышления — все это с особой остротой отразилось в его поэмах и стихах, в критических статьях и

прозаических произведениях, выплеснувшихся вдохновенно из-под мастерского пера. Склонность к раздумьям водит его перо по тропам поиска тайн природы, величия человеческой души — непостижимой и загадочной со дней сотворения Мира. Философское осмысление событий, стихии природы, самой жизни присуще его вдохновенным стихам и поэмам. За чистым и тонким лиризмом строк постоянно ощущается глубина мысли. Во всем, в каждом жизненном миге он ищет глубину и смысл. Неплохо зная творчество поэта, могу утвердительно заявить, что в русской поэзии более всего эквивалентны ему Тютчев и Заболоцкий. По всей вероятности, и по своему характеру, как человек, он близок им. Спокойный, задумчивый, серьезный, с малозаметной со стороны некой иронической усмешкой в уголках губ, весь седой смолоду, красивый внешне, он всегда был близок моему сердцу.

Александр Павлович вспоминает, как ему удалось перевести буквально за одну ночь стихотворение Мусы Гали "Пушкин идет...", написанное им к традиционному пушкинскому празднику в селе Михайловском, куда он был приглашен и где ему предстояло выступить в компании с другими известными поэтами. В нем есть такие строки:

Я слышу голос. Он звенит и тает,
Крылато в памяти моей витает
И оседает в глубине души.
Сижу за строчками стихов, ломая
От налетевших чувств карандаши.
Уперся в стол. Черчу и рву страницы,
Беру слова и рифмы в оборот
Вдруг голос слышу: "Знай свои границы
И меру знай... Ты слышишь, он идет!
Ты слышишь, Пушкин по земле идет!"

...Сегодня над Михайловской опушкой
Колышется от звонких слов зенит,
Глядит на нас с какой-то грустью Пушкин,
Внимательно и пристально глядит.
"Поэзии российской гордый витязь,
Свободных дум защита и оплот —
Наш вечный Пушкин по земле идет!" -

Я слышу голос...
Вдумайтесь, вглядитесь...

Его родное Старомусино находится в трех десятках километров от Кляша, родного аула Мустая Карима. Этих двух земляков объединяла не только поэзия, которой они верно служили всю жизнь, не только крепкая дружба, но и общность судьбы. Юность обоих опалила война, которую они прошли всю до победного конца и потом носили ее отметины на теле и в душе всю оставшуюся жизнь. Став знаменитыми и объехав полмира, они остались верны отчему краю, земле своих предков, где находили подлинное успокоение, душевную гармонию и неиссякаемый источник вдохновения.

Муса Гали — автор более полусотни книг, многие из которых изданы в Москве, до конца своих дней оставался молодым в своем вдохновенном творчестве, влюбленным в жизнь романтиком. До конца своих дней носил в своем сердце оседланного, неистового скакуна, сказал о нем Александр Филиппов, провожая поэта в последний путь. Он умер буранным январем в 2004-м.

"Рядом жили", — тяжко вздохнул его друг Мустай Карим. Он оставил на письменном столе лист бумаги, свое завещание: "Навечно соедините меня с моей родной землей. Она теплая, она мягкая..."

Родные и друзья исполнили его последнюю волю. Похоронили поэта на его родине — в Старомусино.

В эти дни ему исполнилось бы 85.

Воспоминания о поэте, любившем Малеевку

Мирхайдаров,Р. Воспоминания о поэте, любившем Малеевку: [Ностальгия]/Р. Мирхайдаров //Мир Севера.-2009.- 22 мая

Муса Гали… Муса-ага… *Как близко мне это имя, как ласкает оно мне слух, сердце, душу, воображение, вызывает в мыслях тёплый и высокий отклик. Я познакомился с ним зимой 1976 года в Малеевке. Туда я приехал впервые, и мало кого знал и даже не предполагал, что Малеевка тоже станет моим любимым местом, и когда-то и меня будут называть – старым малеевцем. Есть ещё такое, к сожалению, быстро убывающее братство. Когда я впервые появился в роскошной столовой Малеевки, где в ту пору справа на входе ещё высился громоздкий дубовый буфет с богатейшим ассортиментом, она уже наполнялась писателями, и мне нужно было выбрать себе место. Почти за каждым столом обедали люди, чьи имена, книги, портреты мне были знакомы. Напротив буфета располагался стол № 1, который десятки лет подряд занимал поэт Сергей Островой, а рядом с ним сидели Мустай Карим с товарищем и супруга Сергея Острового – известная виолончелистка. Конечно, я узнал Мустая-ага сразу, в ту пору вступающие в литературу хорошо знали своих предшественников, их творчество. Человек, рядом с Мустаем Каримом и Сергеем Островым, сразу бросался в глаза своей импозантностью, благородством. Высокий, прямой, совершенно седой, густой ёжик седых волос укладывался сам по себе в оригинальную причёску, которая была ему удивительно к лицу. Бледное аристократическое лицо с крупными выразительными глазами чётко выдавало в нём – поэта. Внешность обманчива и не может давать никаких гарантий, но я не ошибся, Муса Гали оказался замечательным поэтом. Наши взгляды на какую-то секунду пересеклись, и я уважительно поздоровался.*

Свой первый стол в Малеевке я запомнил на всю жизнь. За ним сидели тоже одни поэты: Сергей Поликарпов, Лариса Васильева и Павло Мовчан из Киева, подающий большие надежды поэт, но уже тогда, в 1976 году, сильно озабоченный политикой и независимостью Украины. Уже 20 лет он – депутат Верховной Рады, один из видных деятелей новой Украины. Тогда мы не предполагали, что политика так отдалит наши страны. Но хорошо помню, какие яростные, опасные

политические споры возникали между Сергеем Поликарповым и Павло Молчаном, я о них вспоминаю даже сегодня, через 30 лет, когда вижу передачу В.Соловьёва «К барьеру». Как, оказывается, давно тлеет националистический уголёк на Украине. Но оставим наш стол и вернёмся к дорогому Мусе Гали.

Мустай КАРИМ

Дома творчества – уникальное место, где встречались, отдыхали, работали, знакомились писатели огромной страны. Сегодня мы знаем – нигде в мире подобных заведений не было и вряд ли теперь когда-нибудь будут. Есть даже статистика: каждая вторая или третья советская книга, а выходили тогда миллионы книг, написана в Малеевке, Переделкине, Комарове, Ялте, Пицунде, Коктебеле, Дубoлтах, Гаграх, Дурмене-Ташкент. Обычно с утра большинство писателей работали, часов с двенадцати катались на лыжах, потом обед, обязательные послеобеденные и после ужина прогулки вокруг дома или до деревни Глухово. У каждого был свой маршрут. У Мустая Карима и Мусы Гали маршрут долгие годы был особенный, ударный, он составлял почти десять километров и занимал два-три часа. Не помню, чтобы кто-то пытался повторить этот путь. Они выходили сразу после обеда, в любую погоду, делали большой круг. Вначале вдоль реки, потом через Дом кино в Рузе, где в баре иногда выпивали по чашке кофе, и возвращались через густой лес у дальних коттеджей. В первый раз я жил в самом дальнем коттедже № 10 и часов в пять вечера видел в окно, как они, словно былинные богатыри, выходили из леса. Если был мороз, а тогда он был всегда,– покрытые инеем, с подвязанными на подбородке шапками. Так продолжалось много лет, они никогда не изменяли своей привычке. Однажды я напросился с ними в компанию, прогулка далась мне с трудом, только отдых в баре киношников мне понравился. Главное, я не мог тратить три послеобеденных часа, мне нужно было работать, писать. Иногда они вдвоём до обеда выходили на лыжах, и я встречал их очень далеко в лесу, на лыжах они катались почти до семидесяти лет. Через две недели меня перевели в главный корпус, и я уже трижды на дню встречался с ними в коридоре, у газетного киоска и, конечно, в столовой. Надо особо отметить, что перед ужином или перед кино в просторном холле с бюстом Серафимовича или прекрасном зимнем са-

Рашид Бикбаев, Мустай Карим и Муса Гали в Переделкино. 1997 г.

ду-галерее, связывавшем два корпуса, собирались писатели. Собирались кучками, группами, все писатели из восточных республик и Кавказа всегда окружали Мустая Карима, к ним присоединялся и я.

Однажды, незадолго до ужина, у меня раздался стук в дверь, на пороге стоял улыбающийся Муса Гали. В руках у него была моя первая тощая книжка «Полустанок Самсона», которую я подарил библиотеке, существовала традиция дарить Малеевке свои книги.

– Решил с тобой ближе познакомиться, рад, что тебя волнует татарская тема, – сказал он, улыбаясь.

В этот вечер мы прервались только на ужин. С той зимней беседы в Малеевке можно вести отсчёт нашей дружбы до самой его смерти. Я бывал у него дома в Уфе, встречались мы и летом с ним в Пицунде и Ялте. Надо отметить, что Муса Гали, несмотря на болезни, был активнейший человек. Он даже совершил на теплоходе почти кругосветное путешествие, побывал во всех европейских портах и столицах. Из путешествия он привёз не только впечатления, а огромный цикл стихотворений, сложившийся в отдельную книгу. У него был зоркий глаз, незамутнённая душа, он остро чувствовал прекрасное, у него был тонкий вкус. После того вечера он представил меня Мустаю Кариму. И с зимы 1976 года по 1991 год только в Малеевке, а с 1991 по 1998 год в Переделкине, я был с ними каждый год рядом – 25 лет близкого общения с этими прекрасными людьми. С 1980 года я оставил работу в строительстве и ушёл на «вольные хлеба», и в домах творчества бывал уже по два срока, как и они. Мы сидели за общим столом три раза в день, а вечером чаще всего собирались у меня. Мне нравилось ухаживать за ними, принимать их. Конечно, в наш круг часто попадали и другие писатели, особенно друзья Мустая Карима. Какие интересные разговоры были на этих посиделках, какие забытые в литературе имена воскрешались, какие стихи читались, какие истории рассказывались! Разумеется, мы частенько выпивали, а тут и песня могла зазвучать. Мустай Карим вдруг говорил: «Муса, дорогой, спой что-нибудь» – и Муса никогда не отказывался. Пел он задушевно, имел голос, знал множество татарских, башкирских, украинских песен. Мустай Карим и Муса Гали – оба фронтовики, и многие вечера неожиданно оказывались воспоминанием о войне.

Муса ГАЛИ

Муса-ага неполных восемнадцати лет был призван на фронт, с первых дней на передовой. Необученному, худенькому деревенскому мальчику вручили тяжёлое противотанковое ружьё, с которым он прошёл всю войну от начала до Победы. Он говорил – я знаю, у меня левое плечо от тяжести оружия деформировалось, оно заметно ниже правого, и время от времени ноет ночами напролёт. В той, уже почти за-

бытой войне было пять-семь грандиозных сражений, они все у нас на слуху. В их число входит и форсирование Днепра, обязательно надо добавить – его высокого берега. Немцы в 1943 году так его укрепили, что были уверены – Днепр форсировать невозможно, вся река, противоположный берег лежали внизу у них перед глазами, пристрелян был каждый квадрат, весь высокий берег – в бетоне, одни дзоты. Муса-ага форсировал Днепр на каком-то утлом плотике всё с тем же противотанковым ружьём, потеря которого неумолимо грозила расстрелом. Сколько полегло там его однополчан – не сосчитать, сотни, тысячи потонули, других разнесло в клочья от прямого попадания, вся река была красная от крови. Осталось от его огромной бригады несколько человек. Раненый, контуженый, Муса Гали, не выпустивший своё противотанковое ружьё, с которым он сросся и спал в обнимку, одолел-таки неприступный берег. Наверное, с тех пор он полюбил Украину, Днепр. Как хорошо, что он не знает про нынешние отношения с Украиной.

Мусу Гали нельзя представить без Мустая Карима рядом или наоборот, кому как удобнее, они были неразлучны, как братья. Они очень дополняли друг друга, понимали без слов, по взгляду, по жесту.

В начале рассказа я попытался дать портрет Мусы Гали – как выглядел он внешне, для подтверждения моих слов о неординарности его облика приведу пример из 1977 года. Однажды мы втроём возвращались с обеда через летний сад к себе в комнаты, нас догоняет известный детский писатель и не менее известный художник Юрий Коваль, он обращается к Мустаю-ага:

– Дорогой, пожалуйста, познакомь со своим другом, хочу написать его портрет, очень благородная, высокой духовности у него внешность, давно искал такую натуру.

Мустай-ага ответил что-то шутя, а настойчивый Коваль увёл Мусу тут же к себе. Портрет получился, Коваль был человек известный, думаю, что этот портрет нашего друга Мусы Гали находится где-то в музее.

Хочется вспомнить какие-то детали из его жизни – Муса-ага имел прекрасный почерк, что редко бывает у пишущих людей. Он каллиграфически переписывал свои стихи. Жаль, в наше время не было таких роскошных книг для записи, в коже, с мелованной бумагой, какой красивый архив сложился бы! Раз или два мне удалось подарить ему красивые записные книги для стихов, одну из них с его записями я видел. Сегодня я рад, что сделал такой скромный подарок, ради красоты он специально переписал туда старые стихи.

Я состоял в долгой переписке с Мустаем Каримом и Мусой Гали, сейчас эти письма хранятся в моём государственном музее у меня на родине в Мартуке, в Казахстане. Мы согласовывали в письмах наши встречи в Домах творчества, в Москве, в Уфе, у меня в Ташкенте, в Казани. К великой радости, сохранилось много совмест-

ных фотографий. Моя часть фотографий, оформленная в альбомах, представлена в моём музее – пришла и моя пора подводить итоги. На всякий случай, пусть знают потомки, что даже в Казахстане, в далёком Мартуке, есть материалы о двух выдающихся башкирских поэтах-фронтовиках.

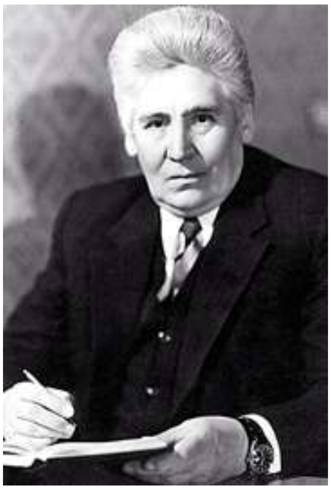
В 1990 году, после покушения в Ташкенте, я был вынужден эмигрировать в Росиию. С 1990 по 1998 год я прожил с семьёй в Доме творчества в Переделкине в комнате
№ 106. Все эти восемь лет мы встречались уже в Переделкине, потому что Малеевку быстро продали, и её уже больше нет. В Переделкине мы с женой Ириной всегда принимали Мустая Карима вместе с Мусой, они приезжали туда до последнего – пока могли, пока эти дома ещё сохраняли своё лицо. В эти годы к ним в компанию я приглашал Амирхана Еники, и наши разговоры наполнялись новыми событиями, фактами, судьбами, новыми красками. Мои знания о татарской и башкирской литературе, полученные из этих разговоров-бесед, равны институтскому курсу месте с аспирантурой.

В 1998 году мы купили в Москве квартиру, но, к сожалению, ни Мустай-ага, ни Муса-ага так её и не увидели, хотя они очень переживали, когда мы были «бездомными». Радовало их одно, что я стал чаще печататься в Казани, что у меня вышло несколько книг на татарском языке. Радовал их мой пятимиллионный тираж книг на русском языке, пять изданий собраний сочинений. Они верили в меня с первых шагов, и я счастлив, что оправдал надежды таких дорогих моему сердцу людей. В Казани есть немало моих недоброжелателей среди писателей, они злословят про меня – да он 25 лет таскал чемоданы Мустаю Кариму и Мусе Гали. Неверное, говорят. Мустая Карима и старая советская власть, и новая власть Башкортостана уважала, ценила всегда – его встречала машина у трапа самолёта и отвозила куда надо. А Муса Гали всегда был рядом. Я горд дружбой и вниманием таких людей, и как мог, старался помочь им, хотел быть чем-то полезным. Общение с ними было для меня праздником души. Сегодня мне самому 68, если бы они были живы, я бы снова с большим уважением и радостью ухаживал бы за ними, заваривал бы чай, выстуживал бы водку, накрывал столы. Мало кому выпало счастье быть с ними рядом на протяжении 25 лет.

Я всегда вёл дневники и когда-нибудь издам свои воспоминания, там будет многое о Мустае Кариме и его брате Мусе Гали.

МУСА ГАЛИ

/blog_reader chto_chitat
8 апреля 2010/



Я столкнулась с серьёзной проблемой. Проблемой недостатка информации. Информации о поэте. О Великом Поэте.

Думаю, имеет смысл поделиться тем, что удалось найти:

Муса Гали - поэт и романтик с седыми волосами

На горе Славин, что возвышается над Братиславой, есть кладбище советских воинов. Побывавший здесь известный башкирский поэт-фронтовик прочитал на одной из могильных плит такую надпись "Красноармеец Салида Султанова. 1945". Имя девушки-воина запало в душу писателя, унося его в те дни и ночи, когда он со своей ротой с боями продвигался по Чехословакии, освобождая ее от немецко-фашистских захватчиков и где был тяжело ранен. В итоге этого путешествия в столицу Словакии, в ее настоящее и прошлое, и связанных с ним душевных переживаний у поэта Мусы Гали родились стихи "Кто ты, Салида?", "Матица Словенска", "Прощание с Братиславой" и другие, составившие поэтический цикл "Память о Словакии". Тема войны нашла своеобразное и яркое художественное воплощение и в его поэме "Багряные травы".

Муса Гали (Габдрахман Галиевич Галиев) родился в деревне Старомусино Чишминского района. Название родной деревни он, став уже известным поэтом, перенес в свое имя. Уже после войны закончил Башгоспединститут, затем Высшие литературные курсы в Москве.

Поэт Александр Филиппов, друживший с ним многие годы и одним из первых начавший переводить его на русский, говорит о нем так:

— Совесть его чиста, как и строки его задушевной поэзии. Дороги ужасной войны, где он форсировал Днепр, бесчисленные дороги жизни: то светлые, то пыльные (всякие были), глубина познаний, масштабность мышления — все это с особой остротой отразилось в его поэмах и стихах, в критических статьях и прозаических произведениях, выплеснувшихся вдохновенно из-под мастерского пера. Склонность к раздумьям водит его перо по тропам поиска тайн природы, величия человеческой души — непостижимой и загадочной со дней сотворения Мира. Философское осмысление событий, стихии природы, самой жизни присуще его вдохновенным стихам и поэмам. За чистым и тонким лиризмом строк постоянно ощущается глубина мысли. Во всем, в каждом жизненном миге он ищет глубину и смысл. Неплохо зная творчество поэта, могу утвердительно заявить, что в русской поэзии более всего эквивалентны ему Тютчев и Заболоцкий. По всей вероятности, и по своему характеру, как человек, он близок им. Спокойный, задумчивый, серьезный, с малозаметной со стороны некой иронической усмешкой в уголках губ,

весь седой смолоду, красивый внешне, он всегда был близок моему сердцу.

Александр Павлович вспоминает, как ему удалось перевести буквально за одну ночь стихотворение Мусы Гали "Пушкин идет...", написанное им к традиционному пушкинскому празднику в селе Михайловском, куда он был приглашен и где ему предстояло выступить в компании с другими известными поэтами. В нем есть такие строки:

Я слышу голос. Он звенит и тает,
Крылато в памяти моей витает
И оседает в глубине души.
Сижу за строчками стихов, ломая
От налетевших чувств карандаши.
Уперся в стол. Черчу и рву страницы,
Беру слова и рифмы в оборот
Вдруг голос слышу: "Знай свои границы
И меру знай... Ты слышишь, он идет!
Ты слышишь, Пушкин по земле идет!"

...Сегодня над Михайловской опушкой
Колышется от звонких слов зенит,
Глядит на нас с какой-то грустью
Пушкин,
Внимательно и пристально глядит.
"Поэзии российской гордый витязь,
Свободных дум защита и оплот —
Наш вечный Пушкин по земле идет!" -
Я слышу голос...
Вдумайтесь, вглядитесь...

Его родное Старомусино находится в трех десятках километров от Кляша, родного аула Мустая Карима. Этих двух земляков объединяла не только поэзия, которой они верно служили всю жизнь, не только крепкая дружба, но и общность судьбы. Юность обоих опалила война, которую они прошли всю до победного конца и потом носили ее отметины на теле и в душе всю оставшуюся жизнь. Став знаменитыми и объехав полмира, они остались верны отчему краю, земле своих предков, где находили подлинное успокоение, душевную гармонию и неиссякаемый источник вдохновения.

Муса Гали — автор более полусотни книг, многие из которых изданы в Москве, до конца своих дней оставался молодым в своем вдохновенном творчестве, влюбленным в жизнь романтиком. До конца своих дней носил в своем сердце оседланного, неистового скакуна, сказал о нем Александр Филиппов, провожая поэта в последний путь. Он умер буранным январем в 2004-м.

"Рядом жили", — тяжко вздохнул его друг Мустай Карим.

Он оставил на письменном столе лист бумаги, свое завещание: "Навечно соедините меня с моей родной землей. Она теплая, она мягкая..."

Родные и друзья исполнили его последнюю волю. Похоронили поэта на его родине — в Старомусино.

В эти дни ему исполнилось бы 85.

/Автор: Александр Зиновьев. 14 октября 2008 года/

Его поэзии медовые дожди

Словно это было вчера. Вижу, как приходит в Дом печати Муса Гали. Заглядывает в кабинет с ясной своей улыбкой, снимает зимнюю шапку, открывая крупную седую голову. От теплой приветливости его голубых глаз в комнате будто светлее становится — так велико обаяние этого доброго и скромного человека, который никогда не кичился своей известностью, а уж стихи для публикации в ответ на просьбу редакции предлагал не то что с неуверенностью, но с неким сомнением, свойственным по-настоящему талантливым людям, для которых всегда важен отклик. С недоверием отношусь к тем «великим», которые утверждают, что мнение зрителей, слушателей, критиков их не волнует — они, дескать, сами обозначают цену своих творений. Муса Галеевич каждый раз с беспокойством ждал оценки, хотя мы уже давно смогли убедиться в том, что она всегда высока, потому как стихи у него замечательные, искренние, исповедальные и даже когда горькие — все равно оптимистичные, со светлой печалью и теплящейся надеждой на лучшее.

Все, что он писал, несет на себе отпечаток его глубоких раздумий, его сердечной боли или радости. Дежурных, равнодушных строк нет ни в поэзии его, ни в прозе, ни в публицистике — в статьях был он особенно страстен, не боялся высказывать мнение сугубо личное во времена самой строгой цензуры.

Война прошлась и по душе его, и по телу — он пережил кровопролитие неравных боев, попав на фронт в 42-м году, трагичность потерь. Чего только стоила та операция в полевом госпитале без наркоза, когда при переправе через Днепр в начале октября 43-го года он был тяжело ранен. Среди его боевых наград особенно дорогой была медаль «За отвагу». Он не очень охотно вспоминал о войне, но однажды, когда принес подборку стихов к Дню Победы, мы разговорились — тогда и узнала кое-какие факты его боевой биографии. А вот об отношении к своей фронтовой эпопее, к боевым друзьям я прочитала в интервью, которое он давал газете «Советская Россия» в 1989 году. Могу здесь привести это высказывание, поскольку недавно, побывав в гостях у Райсы Гайнетдиновны Галеевой, верной подруги поэта, у нее нашла пожелтевшую газетную вырезку: «...Я шел в атаку, со мной вместе, рядом, шли русский, таджик, узбек, якут... Это были мои верные друзья, мои товарищи. Иные и русский язык понимали плохо, но знали свое святое дело. Защитить Родину, пусть ценою собственной жизни. У каждого солдата непременно был друг по окопу. На привалах, в больших походах один стелил свою шинель на землю, а шинелью другого укрывались. И вовсе не обязательно было, чтобы окопным другом был твой соплеменник. Да и кто думал об этом! У меня, например, товарищем по окопу был туркмен. А с поля боя вынес на себе русский санитар — лишь спустя годы я осознал это...».

Муса Гали очень мудро подходил к оценке перестроечных событий — не все зачеркивал (что бывает свойственно многим людям его поколения) и не все принимал. С особой осторожностью относился к так называемому «национальному

вопросу». Переживая за размежевание людей, за разрушение «дружбы народов», в то же время считал, что ассимиляция, слияние их невозможны, потому как убивают самобытность, размывают присущую каждому народу историю и духовность. Опять хочу предоставить слово об отношении к истории ему самому: «Кто спорит: безнравственно было разрушение храмов, уничтожение крестьянства, отлучение его от земли и многое другое. Но я бы взял с собой в сегодняшний день из прошлого святую веру в наши идеалы, благородные традиции народов, их добрососедство, наконец, честность и бескомпромиссность моего фронтового поколения, его человечность»...

Видимо, похожие биографии, а главное — похожие взгляды на жизнь, на искусство и литературу, породили дружбу Мустая Карима и Мусы Гали. Часто они вдвоем ездили в Дома творчества, и оба привозили оттуда новые произведения, наверняка находя друг в друге первых и заинтересованных читателей. Один из сборников стихов Мусы Гали, переведенных на русский язык такими маститыми поэтами, как Елена Николаевская, Ирина Снегова, Людмила Татьяничева, Александр Филиппов, называется «День медового дождя» — по названию одного из стихотворений и по любимому образу дождя, то теплого, оплодотворяющего землю, то тяжелого, словно свинец, то юного, весеннего, несущего свежесть и чистоту. Листаешь его страницы и погружаешься в яркий, наполненный высокими чувствами мир большого мастера и большого человека. Напоследок хочу привести здесь слова Мустая Карима, который замечательно выразил впечатления, возникающие при соприкосновении с поэзией Мусы Гали: «Когда читаешь стихотворения и поэмы уже зрелого Мусы Гали, тебя постоянно сопровождает ненавязчивый шум дождя, и тихо колышутся перед тобой листья и колосья. Этот шум и это колыхание уводят меня в детские годы... Мне представлялось тогда, что теплые дожди рождаются там, за лесами, над знаменитым шумными базарами аулом Старый Муса. Сейчас я думаю, что, если бы не многозвучная песня сына того края, светлой и нежной струей влившегося

в башкирскую поэзию, ко мне бы, возможно, никогда не приходили воспоминания

о тех далеких щедрых дождях. Вот так подлинная поэзия всегда возвращает тебя к твоим истокам, к твоим первым надеждам и потерям. И она утверждает тебя в мысли, что иные потери со временем становятся твоим непреходящим достоянием, а суетные удачи оборачиваются укорами».

Лучше не скажешь о совестливом и высокохудожественном творчестве Мусы Гали, который обращает читателя к раздумьям об окружающем мире, о людях и о себе самом.

Ну и, пожалуй, всё... Произведений Мусы Гали (по крайней мере, на русском языке) найти в интернете практически невозможно. Книг тоже (ни в одном интернет-магазине!), да и в библиотеках не густо... Я считаю, что это, по меньшей мере, несправедливо!

Когда я впервые услышала стихотворение Мусы Гали, я подумала: ну надо же, какое замечательное. Когда услышала песню, написанную на его стихи - я была восхищена. Когда же услышала еще несколько стихотворений, у меня возникло острое желание, нет, потребность - почитать ещё. Я взяла книгу у подруги, которую другая подруга для неё взяла в башкирской библиотеке (надо бы наведаться туда, может, ещё что-то удастся найти). Прочитала её за пару дней (она маленькая совсем). И подумала: это невероятно, но мне нравится всё. Такое редко бывает, когда у какого-то поэта нравится ну совсем всё. Точнее, я с таким никогда не сталкивалась. Ну, бывает, что нравится многое, а тут - всё. Каждая строчка этих стихотворений была настолько мне близка, будто я сама их написала. Муса Гали теперь прочно занимает в моём сердце место наилюбимейшего автора. Говорят, у него проза есть, интересно, она переведена на русский язык?.. Теперь я хочу узнать о нём как можно больше. И я узнаю. Я перерою башкирскую библиотеку. Я даже готова встретиться с людьми, знавшими его.

Пока при свете дня
И в мгле ночной жизнь испытанья множит,
Ничто не сможет погасить огня
В душе моей –
Унять меня не сможет.

/Алла ДОКУЧАЕВА.
18.10.08
http://www.litrossia.ru/2009/20/04116.html
http://62.76.8.133/konkurs/baimov/bpr/bpr047.html/

Шағир хаҡында замандаштары

(Муса Ғәлизең тыуыуына – 90 йыл)

Шағир хаҡында замандаштары:
[Муса Ғәли хаҡында]
/ Мостай Кәрим, Рафаэль Сафин, Әхиәр Хәким
//Ағизел.- 2013.- №10.- Б.161 – 167.

“Азамат”

1970 йылда Украинала Башҡорт әҙәбиәте көндәре уҙҙы. Хайран ҡалырлыҡ аяҙ аҙна, яҡты көҙ ине. Күк көмбәҙе, әйтерһең, ҙур көмөш ҡыңғырау, һауала осоп барыусы торналар тауышынан ул зыңғырлап тора. Днепрҙы мин йылдың төрлө миҙгелендә күргәнем бар, әммә унын был ваҡыттағы асыҡ зәңгәрлеге хатта күктең үҙе менән тиңләшә ала. Ошо мәшһүр дарьяның буйҙарында аҙна буйына башҡорт һүҙе, башҡорт моңо яңғыраны.

Әйтергә кәрәк, ул замандарҙа әле украин әҙиптәренең, сәнғәт әһелдәренең һәм бүтән уҡымышлыларҙың Башҡортостанға ҡарата, хәтерҙәре йомшарып, хөрмәттәре кәмемәгәйне, һуғыш йылдарында беҙҙең тупрағыбыҙҙа төйәк табып, йән аҫрап ҡалған оло ижадсыларҙың исемдәре йыш телгә алына.

Павло Тычина, Максим Рыльский, Владимир Сосюра, Юрий Яновский, Петро Манч... Ҡайҙа барһаҡ та, хужаларҙың тәү әйткән һүҙе – сәләм, икенсеһе – рәхмәт, өсөнсөһө мөхәббәт булды. Хәҙер донъялар үҙгәрҙе. Яҡшылыҡты онотоу, яманлыҡты, берәм-берәм соҡоп сығарып, өҙлөкһөҙ хәтерләү ғәҙәткә инде, тормош ҡағиҙәһенә әйләнде. Кешеләр һәм халыҡтар ҡасандыр бер-береһенә эшләгән изгелектәр хаҡында иҫкә төшөрөргә тартыналар, оялалар һымаҡ. Ә теге йылдарҙа!.. Өҫтәлдәр тулы һый, йөрәктәр тулы һөйөү ине.

Һуңғы кистә Киевта Украина Яҙыусылар союзының рәйесе Олесь Гончар затлы ресторандарҙың береһендә беҙҙең хөрмәткә ҙур мәжлес үткәрҙе. Күренекле яҙыусылар, музыканттар, рәссамдар, артистар менән табындаш булдыҡ, һүҙ күп һөйләнмәне, әммә йыр күп йырланды. Украин, башҡорт, татар, рус көйҙәре бер-береһен алмаштырып торҙо. Күмәкләп ҡара-ҡаршы йырлашыу ҙа, яңғыҙ башҡарыу ҙа булды. Эргәмдә ултырған Олесь Гончар беҙҙең көйҙәрҙе шул тиклем йотлоғоп, онотолоп тыңлай, улар, гүйә, уны сәңгелдәктән бирле оҙата йөрөгәндәр.

Табын уртаһында ултырған Муса Ғәли бер мәл аяҡ үрә баҫты, ҡуш усы менән сал сәсен һыйпап, тамағын ҡырҙы. Минең һынағаным бар: табында ул тороп сәсен һыйпанымы... Тимәк, йырлаясаҡ. Уйлауым раҫҡа сыҡты. Ул «Азамат»ты башлап ебәрҙе. Күрше-күләне менән һүҙгә мауығып, гөж килгән ҡыҙмаса ҡунаҡтар ҡапыл шымып ҡалды. Ошондайыраҡ ҡатнаш мәжлестәрҙә тәүҙә Муса йырына русса аңлатма бирә торғайны, был юлы әллә онотто, әллә кәрәк тапманы. Йырлаусының күкрәгенән ярып сыҡҡан моң, тулҡын-тулҡын булып, залға эркелде. Муса Ғәли бөгөн

айырыуса илһам кисерә. Тауышы үҙенән-үҙе ағыла. Тыйырға теләһә лә, тыя алмаҫ ине. Уның иркендә түгел.

Алыҫтарҙан ғына, ай, күренә
Ирәмәлкәй тауҙың аҡ ташы.
Ҡайҙа ла ғына бармай, низәр күрмәй
Ир-егеткәй менән ат башы.

Йырсы туҡтағас та, йыр тынманы һымаҡ. Байтаҡ ара ул кешеләрҙе айнытмай әсир итеп тотто.

– Бөйөк йыр. Тәү тапҡыр ишетәм, – тине Олесь.

– Әйтәйемме ниндәй йыр был? Был йыр...

– Туҡта, әйтмә. Үҙем аңлағанымды һөйләйем.

– Йә.

– Ул бынан йөҙ йыл, бәлки, ике йөҙ йыл әүәл генә тыуғандыр. Әммә унда боронғо скиф далаларының ҡеүәтле ауазы бар. Ҡәҙимдә һалынған батырлыҡ ойотҡоһо бызырлай. Мин шуларҙы ишеттем. Иҫ киткес инде: бер үк ваҡытта ул үҙенең тәү сығанағына әйләнеп ҡайтып, алыҫ тарихтың төпкөлөн айҡай төҫлө.

– Ғәжәп...

– Ғәжәп шул. Бөйөк әҫәрҙәр, миңә ҡалһа, ғаләм менән бергә яралған да донъя күрергә үҙ ваҡытын, үҙ сиратын көтөп ятҡан. Мәле еткәс, кемдеңдер йәнен ярып, көнгә сыҡҡан. Йәнә ошоно һиҙемләнем: һеҙҙең халыҡ батырлығы, һуғышсанлығы менән дан тота, ләкин был йыр яуға өндәмәй. Оран һалыусы йырҙың был тиклем иркен тынлы, һуҙынҡы һәм биҙәкле булыуы мөмкин түгел.

Бына шулай асты үҙе өсөн беҙҙең «Азамат»ты Украинаның бөйөк кешеһе. Бына нимәләрҙе ишетте «ят ҡолаҡ». Йырҙы, ихтимал, яу юлдарын үтеп, иленә ҡайтып килеүсе яугир сығарғандыр. Әммә ул яуға ла саҡырмай, батырлыҡҡа ла өндәмәй. Ә бар булмышы батырлыҡҡа дан булып яңғырай һәм һағыш...

Мин Олестең һиҙгерлегенә, нескә зауығына һоҡландым:

– Рәхмәт, дуҫым. Йырыбыҙҙы аңлап ҙурланың.

Ул, ғәҙәтенсә, тыйнаҡ ҡына йылмайҙы.

Иртәгәһен беҙ осоп киттек. Аэропортҡа оҙатырға Олесь Гончар, Борис Олейник, Дмитрий Павлычко, Иван Драч, Платон Воронько, тағы байтаҡ кеше килде. Муса Ғәли трапҡа менеп еткәс, түбәндән Олесь ҡысҡырҙы:

– Хушлашыу йыры итеп «Азамат»ты йырла әле, Муса!

Муса инәлтмәне. Траптың иң өҫкө баҫҡысында тороп йырлап ебәрҙе:

Алыҫтарҙан ғына, ай, күренә...

Күк йөҙө саф. Ерҙә һары нур уйнай. Донья шундай аяҙ. Йыр һауаларға аша. Аша ла торыйҡ-торыйҡ торналар торҡолдауына ҡушыла.

Ир-егеткәй менән ат башы.

Стюардесса йырсыны салонға саҡыра. Ишек ябыла. Беҙ китәбеҙ. Беҙ китәбеҙ, йырыбыҙ ҡала. Хатта яманһыу...

/Мостай Кәрим/

Шағир хаҡында һүҙ

Кеше үҙенең тәбиғәте менән көҙгө мәлдә, ағастарҙан шаулап япраҡ яуғанда, айырыуса уйланыусан була. Ағастар үҙҙәре лә, үтеп киткән йәйҙе юҡһынып, тороп-тороп бер уйлана булыр. Урман буйында түшәлеп ятҡан япраҡтарҙы туҙғытып елдергән ел дә туктап уйланып китә төҫлө. Ҡояш та инде уйланып ҡалҡа, уйланып бата. Йыһандың бына ошо моңһоу миҙгелендә шағир бигерәк тә уйлана булыр. Үтелгән юлдар, хәүефле һәм еңеүле йылдар хаҡында, ауыр һынауҙарҙы үткән мөхәббәт һәм дуҫлыҡ хаҡында, йылдар буйына бөртөкләп йыйылған шиғырҙар хаҡында, ахыр килеп, тормоштоң мәғәнәһе һәм ҡиммәте хаҡында был көҙгө кистәрҙә уй йөрөтмәй булмаҫ шағир.

Әгәр ҙә инде шағир тигәнебеҙ ул Муса Ғәли ҙә булһа, был уйсанлыҡтың бигерәк тә тәбиғи хәл икәнен күрмәй мөмкин түгел. Сөнки күренекле шағирыбыҙ Муса Ғәлигә хас һыҙаттарҙың береһе – ул нәҡ ана шул уйсанлыҡ, моңсанлыҡ, тиһәм, яңылышмамдыр төҫлө.

Шағирҙың уйы ваҡыт-ваҡыт шиғыр-поэмаларын тыуҙырыуға беренсе ынтылыш биргән тыуған яҡтарына, ижад шишмәһенең башына әйләнеп ҡайта булыр.

«Бөйөк кешеләрҙән кемдер берәү әйткән: үҙегеҙ баҫып үҫкән үләндәргәбағығыҙ. Шулар бит донъяның бөтә алтындарынан да ҡәҙерлерәк. Бының шулай булыуын мин бөтә ғүмерем буйы тойҙом», – ти шағир үҙе, үткән ғүмерен иҫкә алып. Эйе, бының шулай булыуын беҙ уның шиғырҙарында асыҡ күрәбеҙ.

Муса Ғәлиҙең шиғриәте – үҙ тыуған еренең мәрхәмәтле яҡтылығы менән яҡтыртылған, үҙ тыуған тәбиғәтенең күркәм биҙәктәре менән биҙәлгән шиғриәт.

Мин диуана кеүек булам
ҡай саҡ,
Урмандарға китеп юғалһам.
Болан баҫҡан серле
һукмаҡтарға,
Моңһоу аҡландарға юл
алһам.

Мин диуана кеүек булып
ҡай саҡ
Тыңлап ятам ерем күкрәгән:
Туймай ҡалһам, тимен, гөл
шытыуын,
Аңлай алмам тауҙар
тетрәүен.

Был – шағирҙың һуңғы йылдарҙа яҙылған шиғырҙарының береһе. Был – минең кредом, ти шағир үҙе. Ә инде тормоштоң тәүге тәмен, тәүге әсеһен Муса Ғәли Дим менән Өршәк араһындағы ҡара тупраҡлы далаларға һибелгән, ғәжәйеп үҙенсәлекле ауылдарҙың береһендә – Шишмә районының Иҫке Муса ауылында татыған. Ошонда уҡ уға мәктәп йылдарында «шиғыр ене» ҡағылған. Ошо ауылдың клубы сәхнәһендә ул аяғына кейгән яңы сабатаһы шығырлағансы дәртләнеп-елкенеп беренсе тапҡыр үҙ шиғырын уҡыған. Ул ваҡыттағы шиғырының мәғәнәһе, бәлки, сабата шығырҙауынан ары китә лә алмағандыр. Хәйер, эш сабаталамы ни!

Йомарлам май менән арыш сохарийы һалынған киндер тоҡсайын арҡаһына аҫып Өфө юлына сыҡҡанда әле 14 йәшлек малай шиғырҙы шиғыр иткән тылсымлы һүҙҙең ни икәнен күҙ алдына ла килтерә алмағандыр. Ул ваҡытта әле (һәм һуңғараҡ та) ул малай күҙе күргән нәмәләрҙе генә шиғыр ҡалыбына һалыу менән мауыҡҡандыр. Ә ысын шағир иһә донъяны башҡасараҡ күрә, башҡасараҡ таный белә: ябай күҙгә салынмаған нәмәләрҙе тотоп алып, тылсымлы һүҙ менән балҡытып ебәрә икәнен, ысын шағир иһә хатта быуаттарҙы сәтләүектәй итеп бер-береһенә бәреп вата ла эсендәге ваҡиғаларҙың серен, хикмәтен эҙләй икәнен аңлау һәләтлеге шағирға тормош һәм ижад тәжрибәһе менән бергә килә.

Муса Ғәли, үҙе Дәүләкәндә башҡорт педагогия училищеһында уҡыған йылдарын иҫкә алып, бына нимә ти: «Һәр темаға, ваҡиғаға ҡул етте, йөрәк һәм аҡыл етеңкерәмәй ҡалды. Нәмәләрҙе тарҡатып ҡарау, анализлау һәм баһалау беҙҙең хәстәрлеккә инмәне лә һымаҡ. Шуға ла беҙ шиғриәттә йүгереп «ҡуян ҡыуҙыҡ», ә «ултырып аҡыл йыя» белмәнек. Тәжрибә беҙгә һуңыраҡ, замандың «утлы телмәрҙәре»н ишеткәс кенә килде».

Шулай итеп, ҡаршылыҡлы донъяны бөтә барлығы менән танып белеүгә дәһшәтле һуғыш юлдары аша килгән һалдат Муса Ғәли, шағир булараҡ, кешеләр рухына тәбиғәт аша инеп була икәненә төшөнә, «һәр үләндең үҙ телен табып һөйләшә», «Йыһандың иҫәпһеҙ төҫтәрен берәмләп күңеленә йыйырға ашыға». Ҡыҫҡаһы, үҙ кисерештәрен ул тәбиғәт кисереше аша һүрәтләп бирә. Сөнки тәбиғәттең ҡаршылыҡтар, драматизм менән тулы үҙ эске донъяһы бар. Шағирҙың бурысы тәбиғәттең тышҡы билдәләрен поэтиклаштырыуға түгел, ә иғтибар үҙәген уның эске донъяһында барған ҡатмарлы процесҡа йүнәлтеүҙә лә.

Һин остоң алыҫ сәфәргә,
Болоттар ҡалды илап, –

ти шағир бер шиғырында.

Шатланғанда ла, ҡайғырғанда ла үҙен шулай тәбиғәт менән бер бөтөн итеп хис итеү шағирға йыһанға бәйле ҙур фәлсәфәүи фекерҙәр, символик образдар менән эш итергә мөмкинлек бирә.

Мең йәш йәшәнем мин ерҙә,
Шулай тоям бөгөн үҙемде, –

ти икән шағир, беҙ быға ышанабыҙ. Сөнки ул үҙе булып ҡына түгел, ә ерҙең улы ла, хужаһы ла булып һөйләй.

Була шундай шағирҙар: ижадының билдәле бер мәлендә ниндәй көйҙө күңеленә һеңдереп алған булһа, тамсы ла ситкә тайпылмайынса, шул бер көйгә йырлап килә бирә. Һәм шуға ҡәнәғәт тә, минең үҙ көйөм бар, ти ул. Ихтимал, үҙенсә ул да хаҡлылыр. Муса Ғәли иһә ғүмер баҡый эҙләнә. Шиғри һүҙҙең, форманың яңы мөмкинлектәрен эҙләй. Ритм, интонация төрлөлөгөнә, символик образдарға, ассоциатив фекерләүгә ул әленән-әле ҙурыраҡ әһәмиәт бирә. Быны күрер өсөн шағирҙың һуңғы йылдарҙа яҙған «Тауҙар саҡыра», «Ҡояш еле», «Хәтер һуҡмаҡтары» поэмаларына һәм уҙған йыл «Ағиҙел» журналында баҫылып сыҡҡан

«Франция көндәләге»ндәге шиғырҙарына иғтибар итеү ҙә етә. Әлбиттә, ассоциатив образдарға ҡоролған шиғриәттең тәү ҡараштa артыҡ ҙур ҡыҙыҡһыныу уятмауы ла мөмкин. Була бит шундай дуҫлыҡ: ул йөрәккә ҡапыл ғына инмәй, ә әкренләп аҡыл аша инә. Ундай баҫалҡы дуҫлыҡ тоғорараҡ та, ғүмерлерәк тә була. Ваҡыт уҙыу менән уның мәғәнәһе лә тәрәнәйә, ҡәҙере лә арта бара. Муса Ғәлиҙең күп шиғырҙарына ҡарата ла мин шуны әйтер инем.

Хәтеремдә, «Ағиҙел» журналында уҙған йыл шағирҙың яңы шиғырҙары баҫылып сыҡҡайны. Уның оҫталығы тамам өлгөрөп еткәнлеген күрһәткән был шиғырҙар араһында айырыуса «Пушкин килә» исемле шиғыры минең күңелде биләп алды.

Көндәрҙең береһендә шағир көтмәгәндә йөрәге менән Пушкин ауазын ишетә. Пушкин һулышын тойғандай була.

Ысҡындырмай тойғом
теҙгендәрен,
Өҫтәлемә күкрәк терәнем:
«Шиғыр менән һин самалап
ҡылан,
Пушкин килә!» – тине йөрәгем.

Пушкин килә. Был изге минуттарҙың шағирға иртә лә түгел, һуң да түгел, ә тап әле килеүе бик тә ғибрәтле хәл. Тимәк, ижад дауам итә. Тимәк, шағирҙың әле шиғриәт майҙанында нәк ат уйнатыр сағы.

/Рафаэль Сафин/

Ил янмаһын өсөн ир яна

Күсәрҙән тайпылған донъябыҙ төрлө бола-боларыштан тетрәнгән заманда башҡорт шиғриәте йыл әйләнәһенә байрам артынан байрам уҙғара. Бер юбилейҙың ҡайнар һулышы һүрелеп өлгөрмәй, елдәй өйрөлөп, уға яңылары килеп ялғана, нәфис һүҙ байрамы ил-ҡәүем тантанаһына әйләнеп китә. Ҡыуаныслы хәл. Йыр-моңға, әҙәбиәткә ихтыяж, әҙиптәргә илтифат бар икән, милләтебеҙҙең күҙе йомоҡ түгел, күңел-зиһене асыҡ тигән һүҙ. Йәшәй халыҡ! Дауыт Юлтыйҙың 100 йыллығына арналған сәйәхәттә йөрөп, мин быға тағы бер тапҡыр ышандым. Туҡ буйҙарын төйәк иткән дәртле, зауыҡлы башҡорт туғандарыбыҙ әҙәбиәт-сәнғәт әһелдәрен иң яҡын бауырҙары күреп, һағынып, осрашыуҙы танһыҡлап ҡаршы алды, «зарыҡтырмағыҙ, йышыраҡ килегеҙ!» тип оҙатып ҡалды...

Һәр байрам-тамашаның үҙ мәғәнәһе, үҙ йәме. Дауыт Юлтыйҙың сыңлап өҙөлгән йырын дауам итеүсе бөгөнгө өлкән быуын әҙиптәренән берәүҙәренең һикһән йә етмеш биш йәше, йәнә өс шағирҙың етмеше тулыу айҡанлы үткән юбилейҙар әҙәбиәтебеҙ тормошоноң күренекле ваҡиғалары рәтендә.

Өс шағир тигәнем – үҙем күптән хөрмәт иткән Лоҡман-Хәким Ғиләжев, Ғилемдар Рамазанов, Муса Ғәли. Етмештәренең бер йылға тап килеүе, бәлки, осраҡлы хәлдер, ләкин мин бында символик мәғәнә лә күрәм. Улар бер оянан сыҡҡан, йәшләй ут-

һыуҙарҙы кискән уртаҡ яҙмышлы яугирҙар. Абруйлы өс шағир – ғибрәтле өс яҙмыш, башҡорт әҙәбиәтенең өс рухи түбәһе.

Шуларҙың береһе – Муса Ғәли. Юбилей көндәрендә күренекле әҙиптең күп тармаҡлы ижадына байҡауҙы ғалимдар, тәнҡитселәр яһар, шиғыр-поэмалары, сәсмә әҫәрҙәре, көнүҙәк мәсьәләләргә ҡағылышлы сығыштары ентекләп тикшерелер, нарыҡланыр. Мин иһә уның тураһында байтаҡтан бирле уйлап йөрөгән ҡайһы бер фекерҙәрем менән генә уртаҡлашыуҙы үҙ өҫтәмә алдым.

Иң тәүҙә Муса Ғәлиҙең кешелек сифаттарын күҙ алдына килтерергә тырышам. Баҡһаң, ярайһы уҡ ауыр эш икән был. Инсандың һәр ҡайһыһы йомаҡ. Ә ысын шағир бер-ике һүҙ менән генә баһалар зат түгел инде ул. Миңә Муса Ғәлиҙең төрлө ваҡыттарын күҙәтергә тура килгәне бар. Бәләкәс кенә ҡыуаныстан да атҡа менгәндәй һөйөнгән, тиреһе ҡалын кеше ҡул һелтәп уҙырҙай үткенсе күңелһеҙлектән донъяһы емерелгән һымаҡ көйөнгән саҡтарын, илһамланып йырлаған, йыр йә Ҡөрьән сүрәләре уҡыған, телмәр тотҡан мәлдәрен... Бер ҡараһаң, ул көләс йөҙлө, йор һүҙле йәп-йәш егет ҡиәфәтендә. Ауырыу-сырхауҙары онотолған, иңбашына аҫыл ҡояш ҡунған. Икенсе күргәнеңдә, күҙҙәрендә тәрән эске һыҙланыу, бар булмышында үшәнлек, төшөнкөлөк ишараһы. Ләкин күп тә үтмәй, ул баҫымсыҡ тәбиғәтле, олпат уҙаман, ихлас әңгәмәләш, һөйләшә-һөйләшә, уның зирәк фәлсәфәүи аҡылына, зауыҡлы, тәрән белемле кеше булыуына таң ҡалаһың. Икеләнмәйенсә әйтә алам: Муса Ғәли – беҙҙең иң уҡымышлы әҙиптәрҙән. Тарих төпкөлдәре, донъя айышы, төрлө илдәрҙең ижтимағи тормошо, мәҙәниәте – быларҙың күбеһенән ул хәбәрҙар, һәр береһенә уның айыҡ ҡарашы, үҙенсәлекле мөнәсәбәте бар.

Мал эйәһенә оҡшамаһа, яҙыҡ булыр, тигәндәй, юғары интеллектлы ижады ла шағирҙың күңел көҙгөһө, яныу-көйөүҙәренең, ҡылыҡ-фиғелендәге үҙгәрештәрҙең – ҡыҫҡаһы, рухи тормошоноң көндәлеге кеүек тәьҫир ҡалдыра.

Бына әле уның китаптарын ҡарап ултырҙым. Тәү уҡыуым түгел, әлбиттә, һәр йыйынтығы, шиғыр шәлкеме, поэмаһы баҫылып сыҡҡан мәлдә үк ҡулымдан үткән. Ҡайтанан уҡығанда иһә элекке фекерҙәрем тағы ла нығына, асыҡлана төштө. Бында тормош һулышы, ил башынан уҙған фажиғәле хәл-ваҡиғаларҙың, бәлә-казаларҙың шауҡымы, лирик «көндәлек»тән ашып, замандың үҙенсәлекле йылъяҙмаһына әүерелгән.

Ҡайғы-хәсрәтһеҙ, вайымһыҙ, донъяһы теүәл кешенән шағир сыҡмай, тиҙәр. Борон-борондан халыҡ яҙмышын уртаҡлаған, илем, иманым тип йән атҡан, утҡа кергән шәхестәр генә үткер күҙле, саҡма һүҙле сәсән булып күтәрелгән. Муса Ғәли ҙә, үҙенең тиҫтер ҡәләмдәштәре кеүек үк, ғәрәсәтле ваҡиғалар ҡосағында сыныҡҡан, талантлы заман һандалында сүкелгән шағир. Уның ҡатмарлы, алмашыныусан хисле ижадында, һис яҙлыҡмайынса, затлы аҫалы балаҫтың буй ептәре кеүек һыҙылып үтеүсе ҙур граждандлыҡ тойғолары талпына. Улар күп ваҡыт бер-береһенә бәйләнеп, халыҡсан әйтемдәргә торорлоҡ шиғри юлдарҙа нығытыла.

«Янып һүнә ғүмер – көл була, мең хыялың осоп ел була», – тигән раҫлау шағир йөрәген етелмәгән мораттар, юйылған өмөттәр өйкәгән саҡта тыуған булыр. Бының ише үкенеү, үҙ-үҙеңдән ризаһыҙлыҡ аһәңдәре уның фәлсәфәүи шиғырҙарында айырыта йыш осрай. Ә лириканың хосусиәте шунда ки: автор кисерештәре уҡыусы күңеленә лә ауаздаш булып сыға. Әйтәгүр, шундай уҡ хиресле тойғоларҙан ҡайһыбыҙ йонсомаған да, кемебеҙ йәненә дауа, ҡаҡшаған рухына таяныс эҙләп Тыуған ил тәбиғәтенә, ай-йондоҙҙарға мөрәжәғәт итмәгән. Тәбиғәт болоҡһоу күңелдәрҙе дауалай, сафландыра, йөрәккә дәрт, беләккә көс өҫтәй. Йәшел сауҡалар, күккә олғашҡан армыт-армыт тауҙар, шишмәләр сылтырауы, йәйғор биҙәктәре, йәшенле төндәр, һепертмә бурандар – барса был күренеш, тамашалар Муса Ғәли шиғриәтенең төҫөн-бәҫен, дөйөм айышын, моңон билдәләй. «Мин хыялда йылы ел булып ҡамыштарға ҡағылып иҫкәнмен, моңһоу йәмен зәңгәр күлдәрҙең бала саҡтан тойоп үҫкәнмен», – тиерлеге бар шағирҙың.

Ил яҙмышы – ир яҙмышы. Был хәҡиҡәтте Муса Ғәли: «Яу юлдарын кисеп шуны белдем: ил янмаһын өсөн ир яна», – тип тәрән мәғәнәле афоризм итеп күтәрә. Моғайын, уның ижад серҙәренең асҡысы ла ошолор әле. Баяғы ептәрҙең иң нығлыһы, иң сағыу төҫләһө – ыҙғарлы һуғыш иҫтәлектәренә барып ялғана. Йәп-йәш көйө ғүмерҙәре ҡыйылған һалдаттар, янып харабаға әйләнгән ҡала-ауылдар, ут ялмаған иген баҫыуҙары... Бына ниндәй хәтирәләр ҡағып тора шағир күңелен. Ул Тыуған илде ҡурсып һуғыш утында янған яугир дуҫтарын һағына, уларҙы илаһи заттар, әкиәт батырҙары итеп һынландыра, кеше ғүмеренең ҡабатланмаҫ мөғжизә булыуын раҫлай. «Юҡ, көл түгел, ерҙә хыял ҡалған, мираҫ ҡалған һеҙҙең ғүмерҙән», – тип фекер ебен типсеп ҡуя. Бөйөк Ватан һуғышын, уның миллион-миллион ҡорбандарын онотторорға маташыусы, фронтовиктарға танау буйынан ҡараусы иҫһеҙ бәндәләр менән бәхәс аһәңен тоймай мөмкин түгел бында.

Күп тапҡырҙар һынағаным бар: фронтовик яҙыусыларҙың хатта ауыр холоҡлоһо ла һине таш ярырҙай ҡаты һүҙ менән рәнйетеп бармаҫ. Ижадына сағыштырғанда тамаҡ көсө баҙыҡыраҡ бәғзе ҡәләмдәштәребеҙгә хас бәғерһеҙлек, кешегә аяуһыҙлыҡ, торпайлыҡ юҡ уларҙа. Күбеһе юғары мәҙәниәтле инсандар, ысын зыялылар. Минең, миҫалға, Мөхәммәт Хәйҙәров йәки Ғилемдар Рамазановтың һай-һайлап дәғүәләшкәнен, кемделер битенән алғанын ишеткәнем дә, күргәнем дә булманы. Ә Хәким Ғиләжев? Ҡарамаҡҡа ҡырыҫыраҡ холоҡло тойолһа ла, заманында ике йыл бергә «Ағиҙел» журналында эшләп, уның ауыҙынан алама һүҙ сыҡҡанын, кешене кәмһеткәнен хәтерләмәйем. Иң ҡаты шелтәһе «Оятһыҙ!» булыр ине. Күптән осрашҡаныбыҙ юҡ, һуңғы йылдарҙа уны үҙгәрҙе, тиҙәр. Яҡшы яҡҡалыр, тип өмөтләнәм...

Муса Ғәлиҙе әйтеп тораһы ла юҡ. Кешегә изгелек ҡылыу, хатта таш атҡанға аш атыу – уның ҡанындалыр, тип уйлайым. Ә бит бында ла фронт һабағы. Ярҙамсыллыҡ, бәлә-ҡаза килгәндә бер-береңде ҡурсалау – һалдат йолаһы, ысын ир-егеттәр заңы. «Ҡайғыларым китһә, йөрәгемдә кеше ҡайғылары биләһен», – тигән юлдар уҡ шағирҙың ҡылыҡ-фиғеленә ишара.

Лəкин бынан, фронтовик əҙиптəр тешһеҙ икəн, тип уйламаһындар. «Ҡырҡ алтынсы һалдат», «Йəшлек таңдары», «Ҡара һыуҙар», «Ҡыҙыл үлəндəр» кеүек киң билдəле поэмаларҙа илбаҫар дошмандың, һатлыҡ йəндəрҙең, ғəрип рухлы, боҙоҡ əхлаҡлы кешелəрҙең нисек фашланыуын иҫкə төшөрһəк, шағирҙарыбыҙҙың нəфрəт уғы ҡайһы тарафҡа тоҫҡалыуын абайлау ҡыйын булмаҫ...

Муса Ғəли – илгиҙəр шағир. Төрлө илдəрҙең тормошон, иҫ киткес мөғжизəлəрен таң ҡалып күҙəтеү уның ижадын яңынан-яңы тəьҫораттарға, биҙəк-нағыштарға бермə-бер байыҡтыра. Ул битараф тамашасы түгел. Бында ла һуғыш хəтирəлəренең шауҡымы көслө. Юҡҡамы ни яугир шағир:

Ил гиҙеүҙəр үҙе бер
бəхеттер...
Һине көткəн хөрмəт,
ҡəҙерҙəр бар.

Тик юлыңда ергə ҡарап
атла –
Үлəн аҫтарында ҡəберҙəр
бар, –

тип тарихҡа, əруахтар рухына абайлы булырға өндəй.

Һəр кемгə билдəле, юл йөрөгəндə күргəн-кисергəндəр үҙ илеңдең хəлен донъя бизмəненə һалыу мөмкинлеген аса. Һынамышлайһың, сағыштыраһың, мəмлəкəттəр, халыҡтар, төрлө ғөрөф-ғəҙəттəр, йолалар үҙгəрə, лəкин фажиғəлəр ҙə, ғəм-өмөттəр ҙə оҡшаш. Кешелектең яҙмышы уртаҡ! Ошоно онотмаҫҡа кəңəш итə шағир.

Ярты быуатҡа һуҙылған ижад ғүмерендə Муса Ғəлиҙең, илһамын тейешһеҙгə сарыфлаған мəлдəре лə булманы түгел. Улары – заман шойҡаны. Төп асылында иһə уның киң офоҡло, нескə хисле əҫəрҙəре тыуған ергə, тормошҡа ереккəн. Ил янмаһын өсөн янып йəшəүсе шағирҙың үҙ халҡы менəн ихлас шиғри əңгəмəһе дауам итə.

/Əхиəр Хəким/

Поэт, фронтовик, Человек. К 90-летию Мусы Гали

Байбурина, И. Поэт, фронтовик, Человек:
К 90-летию Мусы Гали/И. Байбурина//
Родник.- 2013.-30 окт.

Не торопись меня перемолоть в песок,
Природа, – и сейчас мне многое в новинку!
Да, я покину мир, я подведу итог…
Но попляшу еще веселою травинкой
Через мильоны лет – когда настанет срок.

/Муса Гали/

15 октября 1923 года в деревне Старомусино в семье бедного крестьянина рождается мальчик, которого нарекли именем Габдрахман. Немилосердная судьба преподносит ему жестокие испытания. От рук бандитов погибает отец Гали абзый.

А вскоре он лишается и материнской нежности, ласки – его маму выдают замуж вторично. Несчастный малыш остается на попечении бабушки и дедушки.

Кто знает, может, весь этот клубок трудностей, горьких переживаний и печали, обрушившихся чуть ли не с колыбели, обострили его чувства до такой степени, что впоследствии они выплеснулись в поэтические строки. Первые стихи Мусы Гали (Габдрахман Галиевич Галиев) увидели свет в 1939–1942 годах, в годы его учебы в Давлекановском педагогическом училище.

Испытания жизнью преследовали его и в зрелом возрасте. Он попал на фронт в 1942 году, познал трагичность потерь близких друзей. Чего только стоила операция в полевом госпитале без наркоза, когда при переправе через Днепр в начале октября 1943 года он был тяжело ранен. Среди его боевых наград особенно дорогой была медаль «За отвагу!». В свои 20 лет молодой поэт и солдат проходит суровые испытания, а военная тема становится в его будущем творчестве одной из главных тем.

Поэт Александр Филиппов, друживший с ним многие годы и одним из первых начавший переводить его творения на русский, сказал о нем так: «Совесть его чиста, как и строки поэзии. Во всем, в каждом жизненном миге он ищет глубину и смысл».

Муса Гали (название родной деревни – его литературный псевдоним) оставил завещание: «Навечно соедините меня с моей родной землей. Она теплая, она мягкая..!». В октябре этого года ему исполнилось бы 90 лет.

* * *

Чишминцы не забывают своего знаменитого земляка. Накануне его юбилея сотрудники детской библиотеки в 5А классе СОШ №1 провели поэтический час «Поэзия тепла и доброты», посвященный 90-летию со дня рождения Мусы Гали, лауреата премии имени Салавата Юлаева, заслуженного работника культуры РСФСР. Мероприятия, посвященные жизни и творчеству поэта, пройдут в районном Дворце культуры и в Старомусинской школе.

Илһамлы йырҙай ижад

Аралбай, Ҡ. *Илһамлы йырҙай ижад:*
[Муса Ғәли иҫтәлегенә]/К. Аралбай//Башҡортостан гәз.
(Мәҙәниәт һәм әҙәбиәт).-2013. 26 нояб.

Таңғы һил иртәләрҙә, йә йондоҙҙар һибелгән аяҙ төндәрҙә Кеше тын ҡалып, сихри тынлыҡҡа таң ҡалып, Йыһан ауаздарын тыңлай, Илаһи заттан ниндәйҙер ым-ишара йәки яуап көткәндәй уйланып тора. Бер мәл, Кеше йырлай йә һамаҡлай башлағас инде, Донъя үҙе, таң ҡалған шикелле, Кеше тауышына ҡолаҡ һала, уның һәр бер өнөн-һүҙен тын ғына ҡабул итә. Һүҙ Йыһан киңлегендә тирбәлә. Йондоҙҙарға ҡағылып, уларҙы сыңлата. Ерҙәге ысыҡтарҙы һирпелдереп, үләндәрҙе илата… О, һүҙ ҡөҙрәте! Әй, һүҙ ҡәҙере!..

Донъя. Кеше. Һүҙ. Ошо мәңгелек төшөнсәләр бейеклегенән һәм берлегенән ҡарағанда, күренекле башҡорт шағиры Муса Ғәлиҙең ижады үҙенең танылыу

даирәһе менән дә, поэтик тәрәнлеге менән дә ысын классика өлгөһө булырлыҡ кимәлде тота. Донъя менән Кеше араһында әлеге Һүҙ ғәли йәнәптәре – уларҙы тоташтырыусы, берләштереүсе һәм йәшәү мәғәнәһен тултырғандай, асыл донъя барлығын йәмләгәндәй ҡөҙрәтле көс.

Илебеҙ өсөн тарихи һынау булған 1941–1945 йылдарҙағы Бөйөк Ватан һуғышының үлемесле ғәрәсәттәрен үтеп ҡайтҡан легендар фронтовик шағирҙар һәм яҙыусылар быуынын күреү, улар менән яҡындан аралашыу бәхете тейҙе беҙгә – һуғыш осоронда тыуғандарға, һалдат балаларына. Әҫәрҙәре ХХ быуаттағы башҡорт әҙәбиәтенең классикаһын тәшкил иткән Назар Нәжми, Яҡуп Ҡолмой, Ҡадир Даян, Хәниф Кәрим, Ибраһим Ғиззәтуллин, Мостай Кәрим, Ғәли Ибраһимов, Хәким Ғиләжев, Ғилемдар Рамазанов, Шәриф Бикҡолдар быуыны вәкилдәренең береһе ул Муса Ғәли (Ғабдрахман Ғәли улы Ғәлиев, 1923–2004 йылдар). Ошо легендар быуындағы Хәким Ғиләжев, Ғилемдар Рамазанов, Муса Ғәли һәм Шәриф Бикҡол – дүрт яугир-әҙип, Дәүләкән педагогия училищеһын тамамлап, имен хеҙмәт юлына аяҡ баҫҡас ҡына, ерҙе ауыр туптар гөрһөлдәүе тетрәтә. Улар, ун һигеҙ – ун туғыҙ ғына йәшлек егеттәр, бер төптән күтәрелеп, һалдат гимнастеркалары кейеп, билгә һары ҡайыш быуып, ҡулға ҡорал алып, дошманға ҡаршы аяуһыҙ алышҡа ташланалар:

Мин түгелме,
Ер яҙмышын йөкмәп,
Күҙ ҙә йоммай утҡа килеүсе,
Үләндәргә итек эҙе һалып,
Ялҡындарға ҡарай елеүсе
Мин түгелме?..
Ил янғанын күргән минең йөрәк
Тынмаҫ булып инде гел яна.
Яу юлдары кисеп, шуны белдем:
Ил янмаһын өсөн ир яна!

(“Ҡыҙыл үләндәр”, 1978).

Дүртеһе лә ҡаты яралар менән тыуған илгә – һөйөклө Башҡортостанға әйләнеп ҡайта. Һәм тағы ла хеҙмәт – был юлы әҙәбиәт фронтында һүҙ сәнғәтенә хеҙмәт – башлана. Быныһы инде оҙайлы хеҙмәт – срокһыҙ, алһыҙ-ялһыҙ, ғүмерлеккә ижад утында яныу...

Дүрт яугир-әҙип халҡыбыҙҙың күренекле шәхестәре булып етеште, арымай-талмай әҙәбиәт йөгөн тартты. Дүртеһенең дә башҡорт әҙәбиәтен яңы бейеклектәргә күтәреүҙә дөйөм уңыштары булған кеүек, һәр береһенең тик үҙҙәренә генә хас, айырым-айырым үҙенсәлекле ижадтары, ҡабатланмаҫ моң-аһәңле шиғриәттәре күңелдәрҙе тарта һаман да.

Дүртеһен дә берләштергән йәнә бер уртаҡ һыҙат хаҡында ла әйтмәү мөмкин түгел. Ул – әҙәби алмаш тәрбиәләүгә талымһыҙ хеҙмәт итеү. Аллаһ Тәғәлә биргән талант-көүәнде йәш ҡәләмдәштәрең менән ихлас бүлешеү. Нисәмә йыл инде башҡорт әҙәбиәтенә тулҡын-тулҡын булып килгән йәштәр ошо ижади мөхиттә Муса Ғәлиҙең йылы ҡарашын, атайҙарса иғтибарын тойоп, ипле һүҙен, тәғәйен кәңәштәрен ишетеп йәшәй. Һәм һәр яңы быуын үҙенә олпат шағирҙы үҙенсә аса, яңыса ҡабул итә, күңел йылыһын ала. Инде ул әҙәби быуындар, үҫә-үҫә килә, үҙҙәре лә олоғая, ә әҙип шул килеш – тәүге олпатлығында ҡала килә, ҡартаймай ҙа, ижад ҡуры кәмемәй ҙә, талант уты ла һүрелмәй.

Унының ярайһы уҡ оҙайлы әүҙем ижад ғүмере эсендә, әгәр иҫәпләп ҡараһаң, оло әҙип йәштәрҙең күпме тәүге ҡульяҙмаларын уҡыған, кәңәштәр күндергән, фатиха биргән. Йөҙҙән ашып китәлер, кәм тигәндә. Ә бит һәр бер ҡульяҙма артында шағир яҙмышы тора: хуплайһыңмы һин уны ижад юлына, эллә сыбыҡлайһыңмы...

Ғөмүмән, XX быуаттың 60-сы йылдарынан йәш яҙыусылар менән эшләгән Муса ағай йәштәргә бер ваҡытта ла ҡаты бәрелмәне, ҡаты бәғерлелек күрһәтмәне. Әммә был йомшаҡлыҡты, объектив булмауҙы аңлатмай. Ҡульяҙмаларға ҡарата ул тейешенсә ғәҙел, хаҡ баһалы булды. Әммә етешһеҙлекте, йәш ҡәләмдәшенең яҙыуҙағы кәмселектәрен ул бик һаҡ, ипле генә төҙәтер, йә уйынсалап, йә кинәйәләп еткерер. Йәш авторға бындай мөғәмәлә – күңелгә майҙай. Ошондай мөнәсәбәттән һуң ул оло әҙипкә магнитҡа тартылғандай тартыла, йылыға яҡынлағандай ылыға башлай.

Бына ни өсөн Муса ағайҙың йәш дуҫтары, кесе ҡәләмдәштәре күп булды. Һәр береһенә, тиерлек, ул гәзит-журналдарҙа мәҡәләләр яҙҙы, яңы китаптарына баһаламалар баҫтырҙы.

Муса Ғәли байтаҡ йылдар Башҡортостан Яҙыусылар союзының шиғриәт секцияһына етәкселек итте. Башҡорт шиғриәтенең үҫеш тенденцияларын байҡап, 1970–1980 йылдарҙа ижади йыл йомғаҡтарына арналған докладтар яһаны. Унының доклад һәм сығыштары, ғәҙәттә, теоретик юғарылыҡ, дәлилдәр төплөлөгө менән айырылып торҙо. Башҡорт шиғриәтенә генә хас милли колоритты күреү, милли образдарҙы тотоп алыу һәләте менән ул – үҙенең поэтик кимәлен, донъя шиғриәте талаптарынан сығып фекер йөрөтөүе менән үҙенең киң эрудицияһын да танытты. Муса ағайҙың йәштәргә туранан-тура ярҙамы, ижади йоғонтоһо дөйөм әҙәби процесҡа, әҙәбиәт үҫешенә һис шикһеҙ ыңғай тәьҫир яһаны. Йәш әҙиптәрҙе ана шулай быуын-быуын үҫтереү, даими хәстәрлек күрһәтеү әҙәбиәттә Муса Ғәлиҙең ижад мәктәбен булдырҙы тиһәк, һис тә арттырыу булмаҫ. Һирәктәр өлөшөнә төшә бындай бәхет.

Муса Ғәли – бик үҙенсәлекле тыуған яҡ йырсыһы ла. Унының шиғриәте ҡулына ҡорал тотоп һаҡлаған ғәзиз тыуған еренә, мәғрур Уралыбыҙға сикһеҙ мөхәббәт менән һуғарылған, сал ҡылғанлы далаларға һәм сая бөркөттәр төйәкләр ҡыраз тауҙарға ҡайнар хис-тойғо менән туҡылған.

Күп илдәр күреп, сит ерҙәрҙе гиҙеп ҡайтҡандан былайыраҡ, тыуған ер өсөн ҡан түгеп, яу юлдары үтеп ҡайтҡан өсөн дә фронтовик шағирға ер-һыу, атайсалы айырыуса ҡәҙерле, ғәзиздәрҙән-ғәзиз:

Томан япҡан йәшел ҡырҙар,
Һеҙҙән башҡа юҡ һулышым.
Биш диңгеҙең кәрәк түгел,
Димгенәм аҡһа тулышып.
Бирмәҫ миңә ҡурай моңон
Тик кистә тулҡын ҡағышы,
Алыштырмаҫ йәш кипарис
Өршәктең йырсы ҡамышын…
Аяҡ баҫһам шунда ҡайтып,
Үләндәр ҙә бәрхәт миңә.
Бер ташына башым ҡуйып,
Ял итһәм дә – бәхет миңә”

(“Уралды һағыныу”. 1967)

Тыуған яғына булған уллыҡ бурысы – һәр кемдең ғүмер юлында һүнмәй ҙә, һүрелмәй ҙә торған изге тойғо. Был тойғо Муса Ғәлиҙең поэтик ижадында гел генә үҙәк мотивтарҙың берәгәйләһе булып барҙы, улар асылда шағирҙың төп әҫәрҙәр теҙмәһен тәшкил итте.

Мин әкиәт кеүек күреп бағам
Үҙ еремдең зәңгәр түҫөнә.
Париждарҙан урап ҡайтһам да, мин
Иҫерәмен арыш еҫенә...

-тип яҙҙы Муса Ғәли, тыуған ер ҡәҙерен изге анттай йөрәк түрендә йөрөткән кеше булараҡ, 1975 йылда үҙенең «Тыуған яҡта» шиғырында. ***Тыуған яғы Шишмә яҡтарында Муса Ғәлиҙең Аҡ шишмәһе бар.*** Шағирҙың күркәм юбилей байрамдарының ошо сихри, нурлы, йырлы Аҡ шишмә буйҙарында үткәненә шаһит булғаным бар. Ул инеште халыҡ «Муса шишмәһе» тип тә йөрөтә. Әҙәбиәтебеҙ аҡһаҡалы Муса Ғәли шишмәләре иһә – оло әҙәбиәт Иҙеленә килеп ҡойған мул һыулы һалҡын шишмәләрҙең моңлоһо ла, йоро ла, тынмаҫы ла, ҡоромаҫы ла.
Шишмәләр иле – Башҡортостан һәм уның әҙәбиәтенә аяҡ баҫҡан күп кенә йәш ҡәләмдәштәремде мин моңло Муса Ғәли шишмәһенән көс-ҡеүәт алып урғылған, илһам һәм дәрт татып яҡтыға атлыҡҡан яңы шишмәләргә лә оҡшатам. ***Йылдар һәм ижад. Ғүмер һәм әҙәбиәт.*** Былар Муса ағай өсөн айырылғыһыҙ төшөнсәгә, бер бөтөнгә әйләнгәйнеләр. Шиғырҙар, поэмалар, повестар, пьесалар, тәнҡит мәҡәләләре, хәтирәләр, юл яҙмалары... Тынғыһыҙ әҙәби эшмәкәрлек, эҙләнеү һәм талапсанлыҡ, эскерһеҙлек һәм тоғролоҡ – Муса Ғәли шәхесен ҡылыҡһырлар төп сифаттар.
Уҙған быуаттың 80-се йылдарында Мостай Кәрим, Рәсүл Ғамзатов, Сибғәт Хәким, Яков Ухсай, Назар Нәжми, Давид Кугультиновтар рәтендә Муса Ғәли шиғриәте лә Рәсәй милли әҙәбиәттәре күгендә сағыу йондоҙ булып балҡыны. Һәм ул үҙенең ил алдындағы бай поэтик ижады менән дә, тынғыһыҙ әҙәби-ижтимағи эшмәкәрлеге менән дә быға тулыһынса лайыҡлы йәшәне. Муса Ғәли башҡорт әҙәбиәтенең иң сағыу таланттарының береһе булды. Ижадын халҡының күңел дарьялары сайҡалыуын һәм сайпылыуын йырлауға бағышланы, башҡорт әҙәбиәтенә хеҙмәт итеүгә бар ғүмерен арнаны.

* * *

Уҙған быуаттың 60–70-се йылдарынан алып бөгөнгәсә, йәғни XXI быуаттың беренсе тиҫтәһенә ҡәҙәр, әҙәбиәткә килгән һәм унда әүҙем ижад иткән яҙыусылар арҙаҡлы шағир Муса Ғәлиҙең башҡорт әҙәбиәтендә, тимәк, рухи донъябыҙҙа, илле йылдан ашыу ваҡыт һуҙымында уның һәр дәүер булғанлығын тойоп, уға күнегеп китеп, исемен телдән төшөргәне булмағандыр. Бының башҡаса булыуы мөмкин дә түгел. Сағыштырып ҡарау өсөн генә әйткәндә лә, бөгөн әҙәбиәтебеҙҙең аҡһаҡалдары һаналыр, йәштәре етмеш бишкә еткән Башҡортостандың халыҡ шағирҙары Рауил Бикбаев, Тимер Йосопов һәм шағир Ирек Кинйәбулатовтар оло әҙәбиәткә яңы аяҡ баҫҡанда (1957–1960) фронтовик Муса Ғәли – инде өс китап авторы, билдәле шағир,

шиғриәт секцияһының әүҙем ағзаһы, Яҙыусылар союзының әҙәби консультанты була...
Ана шул осорҙан башлап, ғүмеренең ахырына тиклем Муса Ғәли әҙәби мөхиттә ҡайнап йәшәне, әллә нисә быуын йәш ҡәләмдәшенә ярҙам итте, башҡорт әҙәбиәтен туғандаш халыҡтарға ғына түгел, ә Бөтә Союз уҡыусыһына еткереүҙә, шиғри һүҙҙең бәҫен, шиғриәттең замандар үткәндә лә һулыу белмәҫ аһәңен күтәреүҙә иң әүҙем әҙиптәр рәтендә барҙы, күп һанда шиғырҙар, егермеләгән поэма ижад итте, иллегә яҡын китап баҫтырып сығарҙы.

Рухи пәйғәмбәрҙәр Шишмәһе

ӘБҮЗӘРОВ, Салауат. Рухи пәйғәмбәрҙәр Шишмәһе /С. Әбүзәров//"Башкортостан гәзите"» Мәҙәниәт һәм әҙәбиәт.- 2013-06 ноябрь.

Мостай Кәрим, Муса Ғәли! Рухиәтебеҙҙең был ике пәйғәмбәре Шишмә районында тыуып үҫкән. Уларҙың исемдәрендә лә хикмәт бар һымаҡ: Муса — пәйғәмбәр, Кәрим — Ҡөрьән Кәрим...

Шишмә районында данлы башҡорт шағиры Муса Ғәлиҙең тыуыуына 90 йыл тулыуҙы билдәләгән саҡта ошо хаҡта уйландым. Ғөмүмән, районда ниндәй генә күренекле шәхес сыҡмаған: Сәйфи Ҡудаш, Фәриҙә Ҡудашева, Динис Исламов, Зәйтүнә Бикбулатова, Раил Кузеев һәм башҡалар. Ысынлап та, башҡорт мәәниәтенә, әҙәбиәтенә ошондай данлы ул-ҡыҙҙарын биргән төбәкте нисек инде рухиәт шишмәһе тип атамайһың!

Май сүлмәге тышынан билдәле, ти халыҡ. Башҡортостандың Яҙыусылар союзы идараһы рәйесе Риф Тойғонов етәкселегендәге әҙиптәр төркөмөн район сигендә үк икмәк-тоҙ менән ҡаршыланы шишмәләр.Артабан Муса Ғәлиҙең тыуған ауылы Иҫке Мусалағы шағир исемен йөрөткән мәктәпкә юлландыҡ. Бында яҙыусылар әҙәбиәт музейында булды, уҡыусылар менән осрашты.

— Әле генә Калугала үткән Рәсәй яҙыусылары съезынан ҡайттым, — тине Риф Тойғонов. — Минең Башҡортостандан икәнде белгәс, иң башта Мостай Кәрим менән Муса Ғәлиҙе иҫтәренә төшөрәләр. Был — ғорурлыҡ! Әллә ҡайҙағы халыҡтар ҙа уларҙың ижадын белә.

Башҡортостандың халыҡ шағиры Ҡәҙим Аралбаев, Муса ағай – башҡорт әҙәбиәте тарихында бөйөк урын тотҡан шағир, тип Муса Ғәлигә арналған “Аҡ шишмә” исемле шиғырын уҡып ишеттерҙе.

Күренекле шағирә, Салауат Юлаев исемендәге дәүләт премияһы лауреаты Факиһа Туғыҙбаеваның да шиғри арнауы уҡыусылар күңеленә хуш килде. “Бөгөн тулҡынланам. Муса ағайҙың үҙе менән осрашҡан кеүекмен. Ул беҙҙең остазыбыҙ булды”, — тине Факиһа апай.

Әҙиптәр, уҡыусылар менән йылы хушлашҡандан һуң, Шишмә ҡасабаһы буйлап сәйәхәт ҡылды. Ҡасаба үҙенең бөхтәлеге менән арбай. Күркәм мәсет, дауахана,

физкультура-һауыҡтырыу комплексы, балалар баҡсаһы төҙөлә. Әлбиттә, был уңыштарҙың башында район хакимиәте башлығы Флүр Уразмәтов тора. Нимә генә тиһәк тә, йорт-ҡураның бөтөнлөгө һәм бөхтәлеге хужаға бәйле.

Батшалар көнләшерлек район мәҙәниәт һарайы халыҡ менән шығырым тулы ине. Кисәне Флүр Зиннур улы асты.

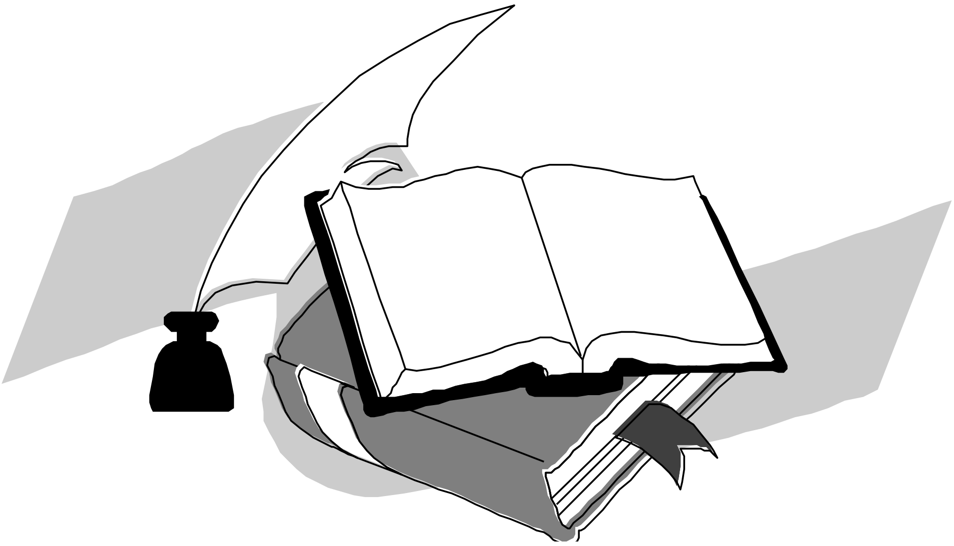
— Яҙыусыларҙың әҫәрҙәре аша беҙ донъяның матурлығын кешеләргә күрһәтергә тейешбеҙ. Матурлыҡ донъяны ҡотҡарыр, тиҙәр. Ә матурлыҡ — нәҡ бына яҙыусыларҙың китабында, — тине ул.

Халыҡ шағиры Ҡәҙим Аралбаев Муса Ғәли ижады тураһында мауыҡтырғыс итеп һөйләгәндән һуң, һүҙ Ирек Кинйәбулатовҡа бирелде. Ирек ағай сәхнәгә күтәрелһә, залға йән кергәнен яҡшы беләбеҙ. Был юлы ла шаян һәм үткер теле менән тамашасының күңелен ҡытыҡлап алды: “Беҙ шишмәләрҙең “Деньги есть — Уфа гуляем, денег нет — Шишма сидим” тигән йырын яҡшы беләбеҙ. Беҙ бөгөн “денег нет — Шишма гуляем”.

Ирек ағайҙың шиғырҙарын тамашасы кинәнеп алҡышланы. Кисәлә ҡурайсы Салауат Ғилметдинов башҡарыуында моңло башҡорт көйҙәре яңғыраны, сәнғәт мәктәбе уҡыусыларының “Татар ҡыҙҙары” бейеүе йөрәктәрҙе елкендерҙе, Айгөл Ғәзиеваның, Лилиә Ҡарасуринаның йырҙары әсир итте. Район мәҙәниәт һарайындағы “Йома” татар фольклор төркөмөнөң, “Ләйсән” ансамбленең сығышы күңелдәргә хуш килде.

Хушлашыу һүҙе Башҡортостандың халыҡ артисы Марат Шәриповҡа бирелде. Уның башҡарыуындағы “Аҡ ҡайындар”, “Атлылар йыры” тамашасының дөрләгән йөрәгенә ялҡын булып өҫтәлде.

Бына шулай, күңелебеҙгә нур, йөрәгебеҙгә йыр алып ҡайттыҡ рухи пәйғәмбәрҙәр Шишмәһенән. Форсаттан файҙаланып, ошо гүзәл сараны ойоштороуға ҙур көс һалғаны өсөн Мостай Кәрим исемендәге музейҙың директоры, рухи ялҡыны менән башҡаларҙы ла дөрләтеүсе ханым Раушания Байғужинаға сикһеҙ рәхмәтебеҙҙе еткерге килә.



Муса Гали
(глава из мемуаров «Вот и все…я пишу вам с вокзала»)

/Рауль Мир-Хайдаров. izba-2017-1913206.
https://www.chitalnya.ru/work/1913206/ /

…Молчи, кукушка.
Сколько жить – уже загадывать не надо…

Муса Гали… Муса-ага… Как близко мне это имя, как ласкает оно мне слух, сердце, душу, воображение, вызывает в мыслях теплый и высокий отклик. Я познакомился с ним зимой 1975 г. в Малеевке. Туда я приехал впервые и мало кого знал, и даже не предполагал, что Малеевка тоже станет моим любимым местом, и когда-то и меня будут называть − старым малеевцем. Есть еще такое, к сожалению, быстро убывающее братство.

Когда я впервые появился в роскошной столовой Малеевки, где в ту пору справа на входе еще высился громоздкий дубовый буфет с богатейшим ассортиментом, зал уже наполнялся писателями, и мне нужно было выбрать себе место. Почти за каждым столом обедали люди, чьи имена, книги, портреты мне были знакомы. Против буфета располагался стол №1, который десятки лет подряд занимал поэт Сергей Островой, а рядом с ним сидели Мустай Карим с товарищем и супруга Сергея Острового − известная виолончелистка. Конечно, я узнал Мустая-ага сразу, в ту пору вступающие в литературу хорошо знали своих предшественников, их творчество.

Человек, рядом с Мустаем Каримом и Сергеем Островым, сразу бросался в глаза своей импозантностью, благородством. Высокий, прямой, совершенно седой, густой ёжик седых волос укладывался сам по себе в оригинальную прическу, которая была ему удивительно к лицу. Бледное, аристократическое лицо с крупными выразительными глазами четко выдавало в нем − поэта. Внешность обманчива и не может давать никаких гарантий, но я не ошибся, Муса Гали оказался замечательным поэтом. Наши взгляды на какую-то секунду пересеклись с ним, и я уважительно поздоровался.

Свой первый стол в Малеевке я запомнил на всю жизнь. За ним сидели тоже одни поэты: Сергей Поликарпов, Лариса Васильева и Павло Мовчан из Киева, подающий большие надежды поэт, но уже тогда, в 1975 году, сильно озабоченный политикой и независимостью Украины. Уже 20 лет он − депутат Верховной Рады, один из видных деятелей новой Украины. Тогда мы не предполагали, что политика так отдалит наши страны. Но хорошо помню, какие яростные, опасные политические споры возникали между Сергеем Поликарповым и Павло Молчаном, я о них вспоминаю даже сегодня, через 30 лет, когда вижу передачу В.Соловьева «К барьеру». Как, оказывается, давно тлеет националистический уголек на Украине. Но оставим наш стол и вернемся к дорогому Мусе Гали.

Дома творчества − уникальное место, где встречались, отдыхали, работали, знакомились писатели огромной страны. Сегодня мы знаем − нигде в мире подобных заведений не было и вряд ли теперь когда-нибудь будут. Есть даже

статистика: каждая вторая или третья советская книга, а выходили тогда миллионы книг, написана в Малеевке, Переделкино, Комарове, Ялте, Пицунде, Коктебеле, Дуболтах, Гаграх, Дурмене − Ташкент. Обычно с утра большинство писателей работало, часов с 12 катались на лыжах, потом обед, обязательные послеобеденные и после ужина прогулки вокруг дома или до деревни Глухово. У каждого был свой маршрут. У Мустая Карима и Мусы Гали маршрут за долгие годы сложился особенный, ударный, он составлял почти 10 километров и занимал 2-3 часа. Не помню, чтобы кто-то пытался повторить этот путь. Они выходили сразу после обеда, в любую погоду, делали большой круг. Вначале вдоль реки, потом через Дом кино в Рузе, где в баре иногда выпивали по чашке кофе и рюмке коньяка, и возвращались через густой лес у дальних коттеджей.

В первый приезд я жил в самом дальнем коттедже и часов в пять вечера видел в окно, как они, словно былинные богатыри, выходили из леса. Если был мороз, а тогда он был всегда, − покрытые инеем, с подвязанными на подбородке шапками. Так продолжалось много лет, они никогда не изменяли своей привычке. Однажды я напросился с ними в компанию, прогулка далась мне с трудом, только отдых в баре киношников мне понравился. Главное, я не мог тратить три послеобеденных часа, мне нужно было работать, писать. Иногда они вдвоем до обеда выходили на лыжах, и я встречал их очень далеко в лесу, на лыжах они катались почти до 70-ти лет. Через две недели меня перевели в главный корпус, и я уже трижды на дню встречался с ними в коридоре, у газетного киоска и, конечно, в столовой. Перед ужином или перед кино в просторном холле с бюстом Серафимовича или прекрасном зимнем саду-галерее, связывавшим два корпуса, собирались писатели. Собирались кучками, группами, все писатели из восточных республик и Кавказа всегда окружали Мустая Карима, к ним присоединялся и я. Однажды, незадолго до ужина, у меня раздался стук в дверь, на пороге стоял улыбающийся Муса Гали. В руках у него была моя первая тощая книжка «Полустанок Самсона», которую я подарил библиотеке, существовала традиция − дарить Малеевке свои книги.

− Решил с тобой ближе познакомиться, рад, что тебя волнуют татарские темы, − сказал он, улыбаясь.

В этот вечер мы прервались только на ужин. С той зимней беседы в Малеевке можно вести отсчет нашей дружбы до самой его смерти. Я бывал у него дома в Уфе, встречались мы и летом с ним в Пицунде и Ялте. Надо отметить, что Муса Гали, несмотря на болезни, был активнейший человек. Он даже совершил на теплоходе кругосветное путешествие, побывал во всех европейских портах и столицах. Из путешествия он привез не только впечатления, но и огромный цикл стихотворений, сложившийся в отдельную книгу. У него был зоркий глаз, незамутненная душа, он остро чувствовал прекрасное, у него был тонкий вкус.

После того вечера он представил меня Мустаю Кариму. И с зимы 1975 года по 1991 год только в Малеевке, а с 1991г. по 1998г. и в Переделкино, я был с ними каждый год рядом – 25 лет близкого общения с этими прекрасными людьми! С 1980 года я оставил работу в строительстве и ушел на «вольные хлеба» и в Домах творчества бывал уже по два срока, как и они. Мы сидели за общим столом три раза

в день, а вечером, чаще всего, собирались у меня. Мне нравилось ухаживать за ними, принимать их. Конечно, в наш круг часто попадали и другие писатели, особенно, друзья Мустая Карима. Какие интересные разговоры были на этих посиделках, какие забытые в литературе имена воскрешались, какие стихи читались, какие истории рассказывались! Разумеется, мы частенько выпивали, а тут и песня могла зазвучать. Мустай Карим вдруг говорил: «Муса, дорогой, спой что-нибудь» − и Муса никогда не отказывался. Пел он задушевно, имел голос, знал множество татарских, башкирских, украинских песен. Мустай Карим и Мусса Гали − оба фронтовики, и многие вечера неожиданно оказывались воспоминанием о войне. Муса-ага неполных 18-ти лет был призван на фронт, с первых дней на передовой. Необученному, худенькому деревенскому мальчику вручили тяжелое противотанковое ружье, с которым он прошел всю войну. Он говорил − я знаю, у меня левое плечо от тяжести оружия деформировалось, оно заметно ниже правого, и, время от времени, ноет ночи напролет.

В той, уже почти забытой войне, было пять-семь грандиозных сражений, они все у нас на слуху. В их число входит и форсирование Днепра − его высокого берега. Немцы в 1943 году так его укрепили, что были уверены − Днепр форсировать невозможно, вся река, противоположный берег лежали внизу у них перед глазами, пристрелян был каждый квадрат, весь высокий берег − в бетоне, одни дзоты.

Муса-абы форсировал Днепр на каком-то утлом плотике все с тем же противотанковым ружьем, потеря которого неумолимо грозила расстрелом. Сколько полегло там его однополчан − не сосчитать, сотни, тысячи потонули, других разнесло в клочья от прямого попадания, вся река была красная от крови, казалось, Днепр вышел из берегов – говорил он. Осталось от его огромной бригады несколько человек. Раненый, контуженный Муса Гали, не выпустивший свое противотанковое ружье, с которым он сросся и спал в обнимку, одолел-таки неприступный берег. Наверное, с тех пор он полюбил Украину, Днепр. Как хорошо, что он не знает про нынешние отношения с Киевом.

Мусу Гали нельзя представить без Мустая Карима рядом или наоборот, кому как удобнее, они были неразлучны как братья. Они очень друг друга дополняли, понимали без слов, по взгляду, по жесту.

В начале рассказа я попытался дать портрет Мусы Гали − как выглядел он внешне, для подтверждения моих слов о неординарности его облика приведу пример из 1977 года. Однажды мы втроем возвращались с обеда через летний сад к себе в комнаты, нас догоняет известный детский писатель и не менее известный художник Юрий Коваль, он обращается к Мустаю-ага:

− Дорогой, пожалуйста, познакомь со своим другом, хочу написать его портрет, очень благородная, высокой духовности у него внешность, давно искал такую натуру.

Мустай-ага ответил что-то шутя, а настойчивый Коваль увел Мусу тут же к себе. Портрет получился, Коваль был человек известный, думаю, что этот портрет нашего друга Мусы Гали находится где-то в музее.

Хочется вспомнить какие-то детали из его жизни − Муса-агай имел прекрасный почерк, что редко бывает у пишущих людей. Он каллиграфически переписывал свои стихи. Жаль, в наше время не было таких роскошных книг для записи, в коже, с мелованной бумагой, какой красивый архив сложился бы! Раз или два мне удалось подарить ему красивые записные книги для стихов, одну из них с его записями я видел. Сегодня я рад, что сделал такой скромный подарок, ради красоты он специально переписал туда старые стихи.

Я состоял в долгой переписке с Мустаем Каримом и Мусой Гали, сейчас эти письма хранятся в моем Государственном музее у меня на родине в Мартуке, в Казахстане. Мы согласовывали в письмах наши встречи в Домах творчества, в Москве, в Уфе, у меня в Ташкенте, в Казани. К великой радости сохранилось много совместных фотографий. Моя часть фотографий, оформленная в альбомах, тоже представлена в моем музее − пришла и моя пора подводить итоги. На всякий случай, пусть знают потомки, что даже в Казахстане, в далеком Мартуке, есть материалы о двух выдающихся башкирских поэтах-фронтовиках.

В 1990-м году, после покушения в Ташкенте, я был вынужден эмигрировать в Россию. С 1990 по 1998 г. я прожил с семьей в Доме творчества в Переделкино в комнате № 106. Все эти восемь лет мы встречались уже в Переделкино, потому что Малеевку быстро продали, и ее уже больше нет. В Переделкино мы с женой Ириной всегда принимали Мустая Карима вместе с Мусой, они приезжали туда до последнего − пока могли, пока эти Дома еще сохраняли свое лицо. В эти годы к нам в компанию я приглашал Амирхана Еники, и наши разговоры наполнялись новыми событиями, фактами, судьбами, новыми красками. Мои знания о татарской и башкирской литературе, полученные из этих разговоров-бесед, равны институтскому курсу вместе с аспирантурой.

В 1998 году мы купили в Москве квартиру, но, к сожалению, ни Мустай-ага, ни Муса-ага так ее не увидели, хотя они очень переживали, когда мы были "бездомными". Радовало их одно − что я стал чаще печататься в Казани, что у меня вышло несколько книг на татарском языке. Радовал их мой десятимиллионный тираж книг на русском языке, шесть изданий собраний сочинений. Они верили в меня с первых шагов, и я счастлив, что оправдал надежды дорогих моему сердцу людей. В Казани есть немало моих недоброжелателей среди писателей, они злословят − да он 25 лет таскал чемоданы Мустаю Кариму и Мусе Гали. Неверно говорят, это их нескрываемая зависть говорит − Мустая Карима и старая советская власть, и новая власть Башкортостана уважала, ценила всегда − его встречала машина у трапа самолета и отвозила куда надо. А Муса Гали всегда был рядом. Я горд дружбой и вниманием таких людей, и как мог, старался помочь им, хотел быть чем-то полезным.

Общение с ними было для меня праздником души. Сегодня мне самому 70, если бы они были живы, я бы снова с большим уважением и радостью ухаживал бы за ними, заваривал бы чай, выстуживал бы водку, накрывал столы. Мало кому выпало счастье быть с ними рядом на протяжении 25 лет.

Мин белгән Муса Гали

/ Рауль Мирхәйдәров
Безнең мирас (Наше наследие).- Март,2023 г./

Муса Гали… Муса ага… Ничек якын минем өчен бу исем, колагымны, йөрәгемне, җанымны, хәтеремне ничек рәхәт иркәли ул, үткән гомеремнең җылы кайтавазы булып күңелемә ята. Мин аның белән 1975 елда, Малеевкада таныштым. Беренче килүем, беркемне дә шәхсән белмим, һәм, табигый, бу җирләр яраткан урыныма әверелердә бик күп еллардан соң миңа «карт малеевкачы» исеме тагылыр, дип уйлап та карамыйм әле (әйе, андый, кызганыч ки, сафлары көннән-көн сирәгәя бара торган туганлык та бар). Малеевканың иркен, затлы ашханәсенә аягымны тәүге атлаганда, исемнәре, сурәтләре, китаплары буенча таныш кешеләр – язучылар! – өстәлләргә урнашып беткән иде инде, кая төртелергә белми аптырадым. Бай ассортиментлы зур имән буфет каршындагы 1 нче номерлы өстәлгә күз ташладым: анда шагыйрь Сергей Островой, аның хәләл җефете – мәгълүм виолончелист ханым һәм миңа таныш түгел кеше белән бергә Мостай Кәрим утыра. Әлбәттә, мин Мостай аганы шунда ук танып алдым, безнең заманда яшь язучы өлкән каләмдәшләрен, аларның иҗатын яхшы белә иде. Ә Сергей Островой белән икесе арасында утырган әфәнде үзенең күркәмлеге, итагатьлелеге белән игътибарымны җәлеп итте – озын буйлы, төз гәүдәле, көмеш чәчләренең куе «энәле» «керпесе» килешеп тора; аксөякләрнеке сыман ак йөзе, зур күзләре – һәммәсе дә бу кешенең шагыйрьлеге турында сөйли иде. Тышкы кыяфәт вакыт-вакыт алдаштыргаласа да, бу юлы мин ялгышмадым: Муса Гали, чыннан да, искитмәле шагыйрь булып чыкты. Безнең карашлар бер мизгелгә очрашты, шул арада мин ихтирам белән баш ияргә, исәнләшергә өлгердем.

Малеевкадагы тәүге аш өстәлем әле дә истә, анда, миннән (прозаиктан) кала, шагыйрьләр генә тамак ялгады: Сергей Поликарпов, Лариса Васильева, Киевтан Павло Мовчан. Бик өметле күренгән әлеге яшь каләм иясе ерак 1975 елда ук Украинаның сәясәте һәм бәйсезлеге өчен борчыла иде, соңыннан яңа Украинаның күренекле җәмәгать эшлеклесенә әверелде ул, егерме елдан артык Югары Рада депутаты булып торды. Кайчандыр сәясәт безнең илләрне шулай ерагайтыр дип кемнең башына килеп карасын анда! Ләкин «бөекдержавачыл» Сергей Поликарпов белән Павло Мовчан арасында нинди усал, куркыныч бәхәсләр уянганы әле дә күз алдымда, мин аларны бүген, утыз ел гомер узганнан соң да, яхшы хәтерлим. Украинада милли мөстәкыйльлеккә өмет кузы шулвакытта ук пыскып-кызарып утырган лабаса!..

Иҗат йортлары – гаҗәп урын: монда илнең барлык кыйтгаларыннан язучылар бергә җыелып таныша, аралаша, эшли иде, бүген без анык беләбез – дөньяда аның тиңнәре булмаган һәм, мөгаен, булмас та. Шундый исәп тә бар: совет илендә чыккан миллионлаган-миллионлаган китапларның икедәнме, өчтәнме бере йә Малеевка, йә Переделкино, йә Комарово, йә Ялта, йә Пицунда, йә Күктүбә, йә Дубылты, йә Гагра, йә Дүрмән-Ташкентта – кыскасы, теге яисә бу Иҗат йортында язылган. Язучылар иртәнге якта, гадәттә, эшли иде, аннары, сәгать уникеләрдә чаңгы шуарга чыга, аннары төшке аш, төшке аштан соң – йә йорт тирәли, йә күршедәге Глухово авылына кадәр сәйран кылу… Һәркемнең үз маршруты бар. Озак вакыт Мостай Кәрим белән Муса Галинең «сукмагы» үзенчәлекле, үзгә иде, җәмгысе унлап чакрым йөри торган булганнардыр, моңа ике-өч сәгать вакытлары үтә иде, тагын кемнеңдер бу юлны кабатларга атлыгу-алгысынганын белмим. Төштән соң, һава торышына игътибар да итмичә, кузгалалар – әүвәл елга буйлап атлыйлар, аннары Руза шәһәрчегендәге Кино йорты аша узалар, кәефләре яхшы икән, берәр чынаяк каһвә белән берәр чәркә коньяк җибәрәләр дә, ерак коттеджлар янындагы куе урман аша кире кайталар. Беренче елда мин шул иң ерак йортларның берсендә яшәдем һәм кичке бишләрдә аларның әкияти баһадирлар сыман урманнан чыгып килүләрен күреп кала идем. Көн салкын икән (ә ул вакытта кышлар гел салкын иде), бүрекләренең колакчыннары төшерелгән, баулары ияк астына бәйләнгән, ә үзләрен бәс сарган булыр. Һәм бик озак еллар буе шулай кабатланды – гадәтләренә хыянәт итмәделәр. Берсендә үзем сорап аларга ияргән идем, артларыннан көч-хәлгә өлгерә алдым, киночылар шәрабханәсендә генә рәт керде. Шуннан соң соранып йөрмәдем.

Кайвакыт төшкә кадәр үк чаңгыга басалар, ерак-еракта – урман эчендә – кара шәүләләре генә шәйләнә. Алар җитмеш яшькә җиткәнче чаңгыдан төшмәде.

Ике атнадан мине төп корпуска күчерделәр, мин Мостай һәм Муса агалар белән көненә өч тапкыр коридорда, газета кибете каршында һәм, әлбәттә, ашханәдә күрешә башладым. Кичке аш яисә кино карар алдыннан язучылар Александр Серафимович бюст-сыны торган холл янындамы, яисә кышкы бакчадамы төркем-төркем җыйналып тора, аралаша, гәпләшә, Шәрык һәм Кавказ республикаларыннан килгән язучыларның барысы да Мостай Кәримне уратып ала иде, мин дә шул төркемгә кушылдым.

Көннәрдән бер көнне, караңгы төшкәч, ишегемне шакыдылар, ачсам – бусагада елмаеп Муса Гали басып тора, кулына минем юка гына тәүге китабымны («Полустанок Самсона») тоткан, мин аны, иҗат йортларының матур гадәте буенча, Малеевка китапханәсенә бүләк иткән идем.

– Якыннанрак танышасым килде әле, сине татар темалары борчуына шатмын, – диде ул.

Ул көнне без кичке ашка гына бүленеп алдык, дуслыгыбыз шул кышкы әңгәмәдә яралып шагыйрьнең үлеменә кадәр дәвам итте. Мин Уфада, аның өендә кунакта булгаладым, җәен без Пицундада, Ялтада күрешеп тордык. Еш хасталавына карамастан, Муса Гали бик актив кеше иде. Ул теплоходта бөтен дөньяны урап чыкты, Аурупаның барлык портларын, башкалаларын күрде, ә сәфәрдән әйтеп

бетермәслек тәэсирләрдән тыш, аерым китап булып чыгачак бер бәйләм шигырьләр дә алып кайтты. Аның күзе – үткен, җаны – пакь, зәвыгы – нечкә иде, матурлыкны ул һәрвакыт тоя, күрә, сизә, аңлый белде. Икенче көнне ул мине Мостай Кәрим белән таныштырды. Һәм 1975 елдан алып 1991 елга кадәр Малеевкада, ә 1991 елдан алып 1998 елга кадәр Переделкинода – җәмгысе егерме биш ел! – мин шушы гаҗәеп кешеләр белән һәрдаим аралашып яшәдем. 1980 елда төзелешне ташлап, үземне баштанаяк әдәбиятка багышларга карар кылганнан соң, алар кебек үк, Иҗат йортларына икешәр срокка килә башладым. Без инде көненә өч тапкыр бер өстәл артында утырдык, ә кичләрен, нигездә, минем бүлмәдә җыелыша идек. Бу мәҗлесләрдә нинди генә кызык әңгәмәләр тумады да нинди генә исемнәр телгә алынмады, нинди генә шигырьләр укылмады да нинди генә вакыйгалар сөйләнмәде! Ара-тирә, тамак чылатып алгач, җыр да яңгырый иде, әлбәттә. Тын гына утырган җирдән Мостай Кәрим: «Муса, әйдә, сузып җибәр әле», – дип сораса, Муса Галинең һич каршы килгәнен яисә киреләнгәнен хәтерләмим. Җанга үтеп җырлый, тавышы матур, белгән җырлары да күп иде – татарча, башкортча, украинча, дисеңме… Мостай ага да, Муса ага да – фронтовиклар, әңгәмә еш кына сугыш темасына да кереп киткәләде.

Муса Гали унсигез яшь тулар-тулмас фронтка китә, беренче көннәреннән үк алгы сызыкта хезмәт итә. Чандыр гына авыл малаена танкка каршы ата торган мылтык тоттыралар, шул корал белән сугышны башыннан ахырына кадәр уза. «Мин сул җилкәмнең гарип икәнлеген беләм, авырлык басып, аскарак төшкән ул, уң як белән чагыштырганда бу аерма күзгә бәрелеп тора, һәм, вакыт-вакыт, бигрәк тә төннәрдә, үтереп сызлый», – дип сөйли иде үзе. Көннән-көн онытыла барган сугышта биш-җиде грандиоз бәрелеш була, аларның һәрберсе мәгълүм, шулар арасында Днепрны кичү дә бар. 1943 елда алманнар ярны шулкадәр ныгыта ки, бу үрне яулау мөмкин түгел, дип ышаналар; ышанырсың да – елганың һәр карышы күз уңында, аяк очында гына, ә үзләре утырган як – бетон, бетон эченә дзотлар тутырылган. Муса абый Днепр аша ниндидер фәкыйрь генә салда йөзеп чыга, иңендә – коралы, аны югалту – баш бәясе тора. Йөзләгән, меңләгән кешене шушы сулар мәңгегә йотачак, аннан да күбрәген дошман пулясы кырып салачак, кемне чәрдәкләп үк атачак, елга кан төсенә кереп, төпкә җыелган мәеттән күтәрелгән, ташыган кебек тоелачак… Аның бригадасыннан бармак белән генә санарлык сугышчы исән кала. Яралы, контузияле Муса Гали, төннәрен кочаклап йоклаган, аның белән бербөтенгә әверелгән бу авыр мылтыкны кулыннан ычкындырмыйча, барыбер мәңге башбирмәс тоелган ярны буйсындыруга ирешә. Мөгаен, Украинаны, Днепрны шуннан соң яратып калгандыр ул. Әле дә ярый ул якларда хәзер нинди мәхшәр кубуын белми…

Муса Галине – Мостай Кәримсез, Мостай Кәримне Муса Галисез күз алдына китереп булмый; алар, туганнар сыман, гел бергә иде, бер-берсен тулыландырып яшәде, бер-берсенә нәрсә кирәклеген, бер-берсенең ни әйтергә теләвен сүзсез дә аңладылар. Икесе дә Башкортстанда туган. Икесе дә Уфада яши. Икесе дә башкорт әдәбиятына хезмәт итә…

Аңа кагылышлы тагын берничә детальне санап үтим. Муса аганың язу рәвеше (почерк) бик матур иде – язучы халкында сирәк күренә торган сыйфат бу. Төзәткәч, үзгәрткәч, яхшырткач, ул үз шигырьләренең чип-чиста итеп, төп-төз, тип-тигез хәрефләр белән яңа дәфтәргә – акламага күчерә. Их, ул вакытта хәзерге кебек каты тышлы, ак битле затлы дәфтәрләрнең булмавы! Нинди күркәм архив җыелыр иде! Шулай да, мин аңа бер-ике кыйммәтле язу кенәгәсе бүләк иттем, шагыйрьнең, бик ошатканга күрә, аларга иске шигырьләрен күчереп утырганын да үз күзләрем белән күрдем – шундый олпат язучыга кечкенә генә куаныч бирә алганыма мин әле дә ихлас куанам.

Мостай Кәрим, Муса Гали белән бик озак гомер хат языштык без, ул хатлар бүген туган ягымда – Казакъстанның Мартук бистәсендәге музейда саклана. Без һәрдаим Иҗат йортларында, Мәскәүдә, Уфада, Казанда очрашу урынын-вакытын язмача килешә идек, бәхеткә күрә, бергә төшкән фотографияләр дә бихисап – алар барысы да, альбом-альбом булып, әле телгә алынган музейда җыйналган. Шуның белән шул: миңа да нәтиҗәләр, йомгак ясарга вакыт якынлаша, киләсе буыннар хәтта Казакъстанның ерак Мартугында да ике күренекле татар-башкорт шагыйре турында материаллар барлыгын белеп торсын, дим.

Мин 1990 елда Үзбәкстаннан Россиягә күчендем дә 1998 елга кадәр гаиләм белән Переделкино Иҗат йортында (106 нчы бүлмә) гомер кичердем. Шушы сигез ел буе биредә дә күрешеп-очрашып тордык без. Аңарчы заманалар үзгәреп, дөньялар буталып, Малеевканы сатып җибәргәннәр иде инде. Юк ул хәзер! Мостай Кәрим белән Муса Галине хатыным да, үзем дә һәрвакыт ачык йөз илә каршыладык, алар Переделкинога ахыргача – аяклары йөргәнче, биредәге йортлар йөзен югалтканчы килеп йөрде. Еш кына яныбызга Әмирхан ага Еникине дә дәшеп, әңгәмәләребез яңа төсләр, яңа мәгълүматлар, яңа язмышлар белән байый иде. Татар-башкорт әдәбияты турында шушы күрешүләрдән туплаган гыйлемем институт курсына (аспирантура белән бергә) тиң булгандыр.

Каләм ияләре – кытыршы халык. Араларында, билгеле, әче теллеләнүчеләр дә юк түгел: һи, Рауль, дисез, аның бар эше – Муса Гали белән Мостай Кәримнең чемоданнарын ташып йөрү булды бит, янәсе. Ни әйтим? Мин шундый зур шәхесләр белән таныш булуым һәм аралашып яшәвем белән чиксез горурланам. Аларга һәрдаим ярдәмләшергә тырыштым, әйе. Файдамны күрделәр икән, әйтеп бетергесез канәгатьмен! Андый затлар белән күрешеп-сөйләшү – җан ләззәте иде. Бүген минем үземә дә җитмеш яшь инде, ләкин, хөрмәтле абыйларым исән булса, бик теләп, һич иренмичә, аларга яңадан чәй пешерергә, суыткычны бушатырга һәм кулдан килгәнчә табын җәяргә ашыгыр идем. Чирек гасыр дәвам иткән мондый бәхет һәркемгә тәтеми.

Стихи и сказки для детей

КАПЕЛЬКА ЗА КАПЕЛЬКОЙ

Подул на берёзы
Весёлый апрель —
Запела в лесу
Голубая капель.
И каждая капелька
Вниз головой
Летела и падала
В снег голубой.

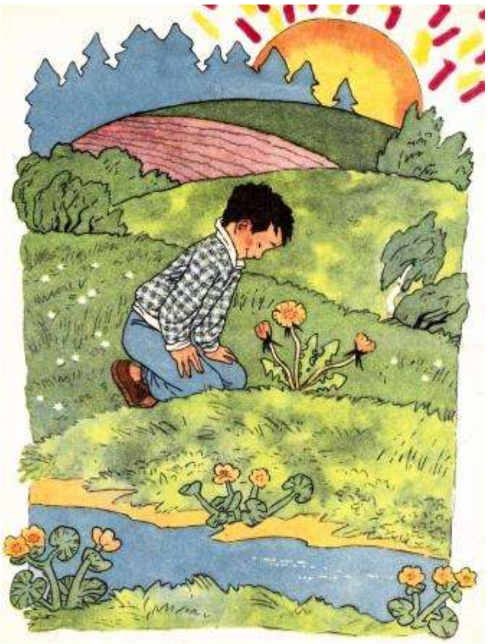
И только одна
Прозвенела: — Боюсь!
Держите меня,
Я не то разобьюсь!
Дрожала она
На апрельском ветру:
— Сейчас я от страха,
Наверно, умру...

Весёлый апрель
Рассмеялся над ней.

Он дудочку вскинул
И дунул сильней,
И ветка качнулась,
И капелька — хлоп!—
Упала, зажмурясь,
В огромный сугроб.

На пятое
утро
Очнулась она,
И видит — бежит
За волною волна.
И ветер над морем,

И чайки вдали,
И в дальние страны
Плывут корабли.



УТРО

Кто-то утром семячко
Потянул за темячко,
И глупышка под землёй
Закричала: «Оё-ёй»!
Потянулась,
Оглянулась,
Видит — солнце над собой.
Улыбнулось солнышко:
— Ты теперь не зёрнышко.
Улыбнулся майский дождь:
— Ах, как быстро ты растёшь!
Над цветком склонился мальчик:
— Здравствуй, первый одуванчик!

РАЗГОВОР С ОБЛАКАМИ

— Вы откуда, облака?
— Мы плывём издалека!
Мы поднялись утром рано
С голубого океана,
Развернули паруса
И помчались за леса.
— Расскажите, где вы были?
— Побывали мы в Сибири.
Белок видели в тайге,
Быстрых омулей в реке,
Две плотины, поезда,
Корабли и города.
— Подождите, облака!
Отдохните, облака!
— Мы бы рады к вам спуститься,
Только некогда пока.
Мы несём дожди пшенице,
Алым яблокам и птицам.
До свидания, друзья,
Нам опаздывать нельзя!

ШМЕЛЬ

Я лежал,
Лежал,
Лежал.
Зверь жужжал,
Жужжал,
Жужжал:

— Жу-жу-жу — уж-жасно ж-жарко.
Жу-жу-жу — уж-жасно ж-жалко,
Что уж-жасно вы устали
И реш-шили отдохнуть!
Где ж-же клевер, сладкий клевер?
Я летал на юг, на север,
Пож-жалейте, укаж-жите
До луж-жайки ближ-жний путь...

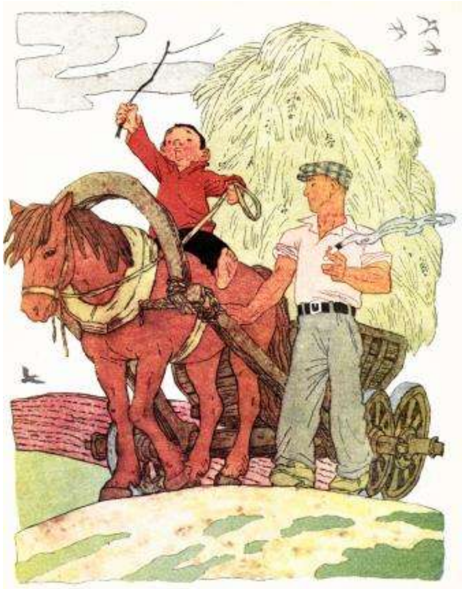
Я махнул ему рукой
На лужайку за рекой.

И помчался он сквозь чащу,
Сделав плавный разворот.
Словно маленький жужжащий
Золотистый вертолёт.

Я бежал,
Бежал,
Бежал.
Зверь за мной
Жужжал,
Жужжал.

Я бежал — и вдруг споткнулся
О большущий белый гриб.
Я споткнулся, кувырнулся
И подумал: я погиб.

КАК Я ЕХАЛ НА КОНЕ



Посадил отец меня
На буланого коня.

Выше леса, дальше гор
Я скачу во весь опор,
И качаются слегка
Под копытом облака.

Посадил отец меня
На горячего коня.

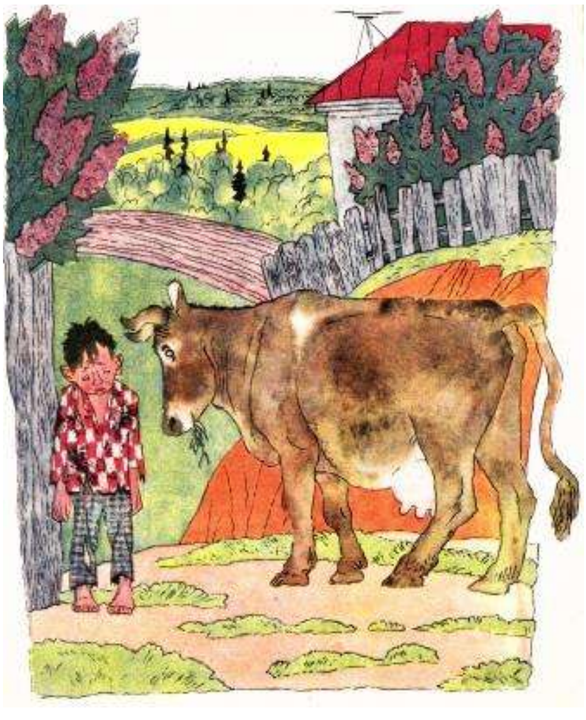
Сабля острая в руке.
Бой гремит невдалеке.

— Эй, на помощь, выручай! —
Мчится маленький Чапай.

Посадил отец меня
На послушного коня.

За спиною — скрип колёс.
На повозке — сена воз.
У соседнего двора
Малыши кричат „Ура!"

— Тпр-ру! — сказал,смеясь, отец.—
Ну, слезай-ка, молодец!



ОБНОВА

Сшили Муниру
Рубашку, и вот
Вышел в обнове
Мунир из ворот.

— Му! — у ворот
Замычала корова,
Видно, пришлась
Ей по вкусу обнова.

А на полянке
Вприпрыжку и вскачь
Бегают мальчики,
Прыгает мяч.
Бросился сразу
Мунир в нападенье

В новой рубашке —
Одно загляденье!

Час пролетел,
А за ним и другой.
Мальчик с футбола
Шагает домой.

— Му! — у ворот
Промычала корова,
Будто спросила:
"Я где же обнова?"

Ворот оторван,
В грязи рукава,
В новый карманчик
Набилась трава,
Нету для чучела
Лучше мундира.
Что за рубашка
Была у Мунира!

ВИШНЁВЫЕ СЕРЕЖКИ

В апреле Дильбер
Заглянула в наш сад —
Зелёные серьги
На вишнях висят.
Зелёные ягодки —
Хвостики вверх! —
Глядят из листвы
С любопытством на всех.

Но летом Дильбер
Заглянула в наш сад —
Другие серёжки
На вишнях горят:
Они, как рубины,
Сверкают в листве,
И падают вниз,
И лежат на траве.

И алые ягоды
Просятся в рот,
И алые ягоды
Девочка рвёт.

Но кто же все вишни
Покрасил за лето,
Ответа
На это
Она не найдёт...

НОЧНАЯ СКАЗКА

Клонились берёзы к пруду.
Глядели всю ночь на звезду.

И каждая думала: «Да,
Это моя звезда...»

Но однажды ветер пришёл,
И был он в тот вечер зол:

Он пальцы в рот заложил
И дунул что было сил.

И сразу издалека
Примчались на свист облака,

И закачалась вода,
И вдруг пропала звезда.

И стало берёзам невмочь:
Метались они всю ночь,

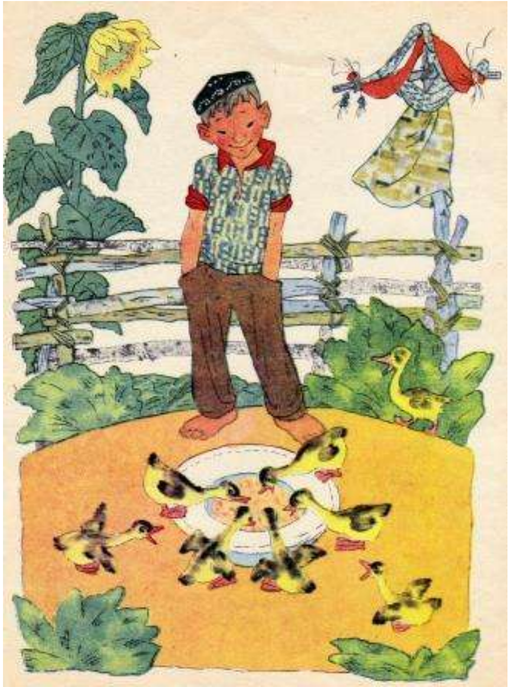
Сражались они всю ночь —
И ветер прогнали прочь!

А когда унеслись облака,
И запела тихо река,

То сразу звезда нашлась —
Цветком золотым зажглась.

И берёзы кивали «Да,
Вот какая у нас звезда...».

ГУСИ



Пи-ли-пи-ли-пи-ли-пик! —
У гусят смешной язык.
Пи-ли-пик! —
Мы здесь!
Мы здесь!
Пи-ли-пик! —
Неси поесть!
Я с утра бежал во двор,
Я кормил своих обжор.
Высыпал им зёрнышки
Во дворе на солнышке.
Я они всё слопают —
И крылышками хлопают:
Пи-ли-пи-ли-пи-ли-пик!
Пи-ли-пи-ли-пи-ли-пик!

А теперь совсем не так:
Был гусёнок —стал гусак.
И по речке синей
Плавает с гусыней.

Я домой зову гусей:
— Вылезайте поскорей!А они
гогочут,
Надо мной хохочут:

— Не поймём никак, малыш,
Что ты
Го-го-го-воришь?

Я срезаю тонкий прут —
Сразу гуси тут как тут.

И кричат:
— Не го-го-дится!
Мы не лошади,
А птицы!

И бегут от хворостинки
Прямо к дому по тропинке.

Засыпают берега.
Затихает «га-га-га...»
Лишь плывут в осеннем небе,
Словно гуси, облака.

ПРОЩАЙТЕ

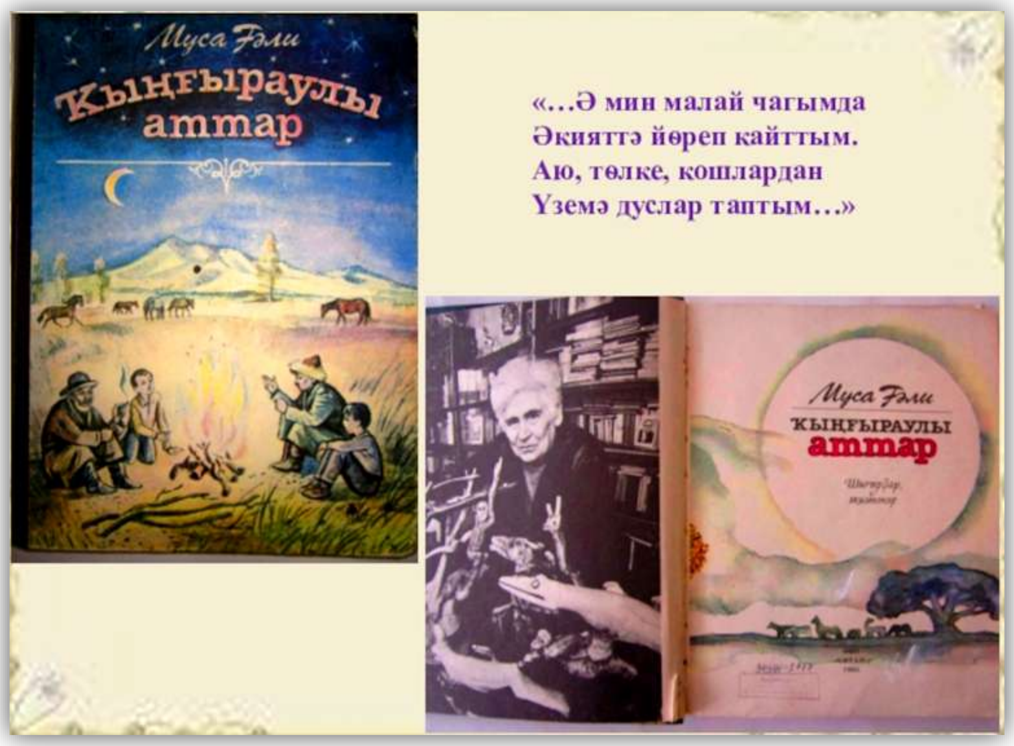
Над озером дикие гуси летят.
На жёлтые листья печально глядят.
Прощайте! Скорей возвращайтесь назад,
Прощайте!

Прощай, земляника в овраге лесном.
Прощайте, волнушки под тихим кустом.

И пчёлы — спешите в свой маленький дом,
Прощайте!

Прощайте, прощайте, друзья-муравьи!
Заприте хвоинками двери свои.
Вас утром апрельским разбудят ручьи,
Прощайте!

Пора возвращаться из леса домой.
Ну, что ж, до свиданья, прощайтесь со
мной.
Пусть будет тепло вам холодной зимой,
Прощайте.


Муса Гәли
Кыңгыраулы аттар
«…Ә мин малай чагымда
Әкияттә йөреп кайттым.
Аю, төлке, кошлардан
Үземә дуслар таптым…»
Муса Гәли
КЫҢГЫРАУЛЫ
аттар

ЕДЕМ, ЕДЕМ
К БАБУШКЕ
Муса Галинең шигырьләре
рус , үзбәк һәм башка телләргә
тәрҗемә ителде.

Фотогалерея

Муса Галиенең туган авылы – Иске Муса

2005 елның көзендә шагыйрьнең укыган мәктәбенә аның исеме бирелде һәм такта таш ачылды.

"Юлга чыксам
яки йөреп кайтсам,
Иң пак хисләремә юл ачып,
Җем –җем килеп, талгын агып ятты
Кизәк атлы кечкәй елгачык.
Кизәк – елга ...
Гаҗәп сәер исем...
Чал тарихта аның серләре.
Дәвер белән бергә җиргә сеңгән
Кизәк янган учак көлләре.
Эш исемдәме ни ...хатеремдә:
Казлар оча хаман каңгылдап.
Киндер токка сохарилар төяп,
Киткән мәлем истә авылдан.
Эш исемдәме ни...
Еллар узып,
Уйларымнан китми нигә ул.
Диңгезенә халкым йөрәгенең
Шул елгачык ачты миңа юл.

Муса Гали

Шагыйрь Муса Гали
Иван Драч белән

Словакия
язучылары белән

Муса Гали Словакия
партизаннары арасында

Елга ага тау -таш яра-яра
Криваньгөрәгеннән ургылып.
Көлеп –шаулап аккан шушы елга
Күкрәгемә тулды җыр булып.
Лацо, Лацо!..
Син, ахрысы мине
Алып килдең әкият иленә
Төшләремдә түгел өнемдә.

(Словакия партизаны
Ладислав Беньога багышлана._

Баку. 1985 ел.

Шагыйрь Муса Гали
Парижда.

Шагыйрь Муса Гали авылдашлары арасында

Шагыйрь яшь язучылар арасында

Монголиядә кунакта.
1975 ел

Ҡулланылған әҙәбиәт ⅄ Использованная литература

1. Аралбай, Ҡәҙим. Моңло Муса Шишмәләре/Ҡ. Аралбай//Ватандаш.- 2003.- №5.- Б. 49, 58-60.
2. Докучаева, А. Его поэзии медовые дожди: Имена. Мусе Гали исполнилось бы 85 лет/А. Докучаева//"Республика Башкортостан", 2008.- № 203.
3. Мирхайдаров,Р. Воспоминания о поэте, любившем Малеевку:[Ностальгия]/Р. Мирхайдаров //Мир Севера.-2009.- 22 мая
4. Шағир хаҡында замандаштары:[Муса Ғәли хаҡында]/ Мостай Кәрим, Рафаэль Сафин, Әхиәр Хәким //Ағиҙел.- 2013.- №10.- Б.161 –167.
5. Байбурина, И. Поэт, фронтовик, Человек: 90-летию Мусы Гали/И. Байбурина// Родник.- 2013.-30 окт.
6. Аралбай, Ҡ. Илһамлы йырҙай ижад: [Муса Ғәли иҫтәлегенә] /Ҡ. Аралбай//Башҡортостан гәз.(Мәҙәниәт һәм әҙәбиәт).-2013. 26 нояб.
7. ӘБҮЗӘРОВ, Салауат. Рухи пәйғәмбәрҙәр Шишмәһе/С. Әбүзәров//"Башҡортостан гәзите"» Мәҙәниәт һәм әҙәбиәт.- 2013-06 ноябрь.

Һылтанмалар ⅄ Ссылки

1. Бикбаев, Р.Т. Муса Ғәли //Башҡорт энциклопедияһы —Өфө: «Башҡорт энциклопедияһы» ғилми-нәшриәт комплексы, 2015—2017. — ISBN 978-5-88185-143-9.
2. https://rb7.ru/news/ufa-and-rb/society/13584
3. http://sskazki.ru/stihi/vishnevye-serezhki/

День медового дождя

/Муса Гали/

ТИШЬ, ПРОСТОР... НЕБЫВАЛЫЙ ДЕНЬ!
ПЛЯСКА МАРЕВА НАД ХРЕБТАМИ.
ПО УЩЕЛЬЯМ СТЕКАЕТ ТЕНЬ,
ЛЕТО ТИХО ПЛЫВЁТ НАД НАМИ.

В ЛЕС ВХОЖУ. СОЧНЫХ ЛИСТЬЕВ ДРОЖЬ!
РОДНИКОВ ГОВОРОК БЕДОВЫЙ...
ДОЖДЬ ПРОШЁЛ!
АХ, МЕДОВЫЙ ДОЖДЬ,
УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДОЖДЬ МЕДОВЫЙ!

И ПО ЖИЛКАМ ТРОПИНОК ВГЛУБЬ
ПОТЕКЛИ МОИ ДУМЫ В ЧАЩИ...
МИР ПРЕКРАСЕН — ВОЗЬМИ, ПРИГУБЬ,
РАЗВЕ ОН НЕДОСТОИН СЧАСТЬЯ?

ДОЖДЬ МЕДОВЫЙ!
МЕДОВЫЙ ДОЖДЬ!
ВЗОР МОЙ СЛЁЗЫ ТУМАНЯТ ГУСТО...

БЕЛЫЙ СВЕТ В ЯРКИХ БРЫЗГАХ СПЛОШЬ,
В ЗВОНАХ, ШОРОХАХ, ВЗДОХАХ, ХРУСТАХ.
ПЧЁЛЫ МУДРЫЕ, ВЗЛЁТ ТРУБЯ,
ПОЯСА СТЯНУВ, ВЗМЫЛИ КВЕРХУ.
ТИХИЙ ЛЕС, ДАЙ ВОЙТИ В ТЕБЯ,
ОКУНУТЬСЯ В ПРОХЛАДУ ВЕТОК.

СКОЛЬКО РАЗ ТИШИНУ ВОКРУГ
ВЗРЫВ КРУШИЛ И ЗЕМЛЯ ГУДЕЛА...
ДЯТЕЛ ЗВОНКО СТУЧИТ — ТУК... ТУК...
ДЯТЕЛ ЗАНЯТ ВЕЛИКИМ ДЕЛОМ.

ДЯТЕЛ ЗВОНКО СТУЧИТ — ТУК... ТУК...
ВТОРЯТ ДЯТЛУ СТВОЛЫ И КОРНИ:
— ЧЕЛОВЕК, ЕСЛИ ТЫ НАМ ДРУГ,
ЗАЩИТИ, ДАЙ НАМ ЖИТЬ СПОКОЙНО!

Йөкмәткеһе ❍ Содержание

1. М. Ғәли. Эй, ғәзиз ер!: шиғыр....2
2. М.. Гали. Поэзия: стих....5
3. Муса Ғәли – башҡорт яҙыусыһы: биографияһы....6
4. Шағирҙың төп әҫәрҙәре....8
5. Әҙиптең тормошо һәм ижады тураһында....9
6. Муса Гали – поэт-фронтовик и общественный деятель, без творчества которого невозможно представить башкирскую поэзию второй половины XX столетия: Биография....10
7. Основные произведения поэта....12
8. Литература о жизни и творчестве М. Гали....13
9. “Годы мои, молодые, зеленые...”: стихотворение М. Гали....16

10. МУСА ҒӘЛИ ХАҠЫНДА ХӘТИРӘЛӘР. ВОСПОМИНАНИЯ О МУСЕ ГАЛИ

Аралбай, Ҡ. Моңло Муса шишмәләре. Ҡәләм һәм штык....17

11. Аҡ шишмә: шиғыр [Атаҡлы шағир Муса Ғәли иҫтәлегенә]....20
12. Докучаева, А. Его поэзии медовые дожди: Имена [Мусе Гали исполнилось бы 85 лет]....21
13. Зиновьев, А. Муса Гали – поэт и романтик с седыми волосами (2008)....23
14. Мирхайдаров, Р. Воспоминания о поэте, любившем малеевку [Ностальгия]....25
15. Зиновьева, А. Муса Гали....30
16. Докучаева, А. Его поэзии медовые дожди (2009)....32
17. Шағир хаҡында замандаштары (Муса Ғәли тыуыуына – 90 йыл)[Мостай Кәрим, Рафаэль Сафин, Әхиәр Хәким]....35
18. Байбурина, И. Поэт, фронтовик, человек: к 90-летию Мусы Гали....42
19. Аралбай, Ҡ. Илһамлы йырҙай ижад [Муса Ғәли иҫтәлегенә]....43
20. Әбүзәров, С. Рухи пәйғәмбәрҙәр шишмәһе....47
21. Рауль Мир-Хайдаров. Муса Гали (главы из мемуаров “Вот и все... Я пишу вам с вокзала”)....49
22. Рауль Мирхәйдәров. “Мин белгән Муса”....53

23. МУСА ҒӘЛИ – БАЛАЛАР ӨСӨН. МУСА ГАЛИ – ДЕТЯМ

Стихи и сказки для детей. Капелька за капелькой....57

24. Утро....57
25. Разговор с облаками....58
26. Шмель....58
27. Как я ехал на коне....59
28. Обнова....59
29. Вишневые сережки....60
30. Ночная сказка....61
31. Гуси....61
32. Прощайте....62
33. Фотогалерея....64
34. Ҡулланылған әҙәбиәт. Использованная литература....68
35. Муса Гали. Стихотворение. День медового дождя....69